

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена
ЛОГУНОВА

подарок всем читателям!
рецепт фирменного коктейля от автора!

СЕКРЕТНАЯ
МИССИЯ
ПИКОВОЙ ДАМЫ

Елена и Ирка

Елена Логунова

Секретная миссия Пиковой дамы

«ЭКСМО»

2004

Логунова Е. И.

Секретная миссия Пиковой дамы / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2004 — (Елена и Ирка)

Если по морским волнам к вам приплывет стеклянный сосуд с загадочной запиской – ни в коем случае не прикасайтесь к этой гадости! Тележурналистка Елена поддалась любопытству и, подстрекаемая своей лучшей подругой Иркой, позвонила по телефонному номеру, указанному в послании, и договорилась о встрече с незнакомцем. Он лишь просит захватить записку. Так получилось, что Елена упала и потеряла башмак, а письмо по ее просьбе передала скучавшая неподалеку бомжиха. Да так и осталась лежать на тротуаре с дыркой в голове. К счастью, убийца уехал на приметном автомобиле, который Елена сумела найти – вместе с целой кучей проблем! Попытка проникнуть в прошлое владельца авто, а заодно и в его квартиру, приводит к трагической гибели очередной невинной жертвы. Слишком высокая цена за ничтожную добычу, которую Ирка и Елена сумели найти, – тюбик стертой помады и один-единственный белокурый волосок! Впрочем, именно он станет путеводной ниточкой, которая приведет подруг прямиком к кровожадному Минотавру...

© Логунова Е. И., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	25
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Логунова

Секретная миссия Пиковой дамы

Глава 1

– Кыся! Скорее спускайся! Ты все пропустишь! – кричал Колян, подпрыгивая от нетерпения и риска наступить на чайку.

Птицы сидели совсем рядом на камнях с понурым видом, испуганные и взъерошенные. Колян – восторженный, тоже взъерошенный и абсолютно голый. Тело красивое, загорелое.

Был день затмения. Космическое шоу уже началось: солнечный свет потускнел, сделавшись красноватым, словно мы оказались на Марсе. Море изменило цвет, и наступила необычайная тишина. Замолчали даже цикады, до того стрекотавшие без умолку. Мы находились на диком пляже, за много километров от какого-либо жилья.

Я сладко задремала в импровизированном шалаше из зеленых ветвей и пары простынь и спросонья не сразу сообразила, где нахожусь.

– Ну Кыся же! Давай быстрее! Затмение скоро растемнится! – поторопил меня муж.

Я вылезла из вигвама и осторожно, чтобы не оступиться, спустилась по узкой тропинке на каменистый пляж. Задетая моей ногой, вперед, под уклон весело поскакала пустая консервная банка: получасом ранее мы с Коляном аппетитно потребили эти самые шпроты. Потом так же аппетитно любили друг друга, после чего я и уснула. И чуть не пропустила шоу!

– Следующее такое затмение будет через триста лет! – авторитетно сообщил мне Колян, наблюдающий явление природы сквозь две пары темных очков – мои и собственные.

– Через триста лет мне будет триста тридцать два года, – зевнув, подсчитала я.

– И твоя любознательность наверняка притупится, – сказал Колян. – Поэтому наблюдай сейчас!

– Но у меня нет оптического прибора! – возразила я, шурясь. – Отдай мне мои очки!

– Держи! – Колян кинул их мне и усакал вверх по расщелине, вызвав небольшой камнепад.

Я посторонилась, чтобы самый резвый валун не ударил меня по босой ноге. Пожалуй, надо было обуться, прежде чем прыгать по камням...

О том, что можно было бы и одеться, я даже не подумала: вокруг не было ни души, если не считать чаек, а им наша с Коляном первобытная нагота была до лампочки. Птички, которых никто не предупредил о затмении, явно приготовились встречать конец света.

– Кыся, обернись! – позвал меня Колян.

Я оглянулась и увидела белую молнию фото-вспышки.

– Фотографируйтесь на фоне солнечного затмения! – голосом ярмарочного зазывалы провозгласил Колян. – Солнечное затмение – редкое природное явление в наших широтах!

– Думаешь, затмение будет видно на снимке? – усомнилась я.

– Если не будет, мы подпишем фотографию: «День затмения». И укажем, где именно искать это самое затмение, стрелкой.

Я невольно засмотрелась на него: мускулы под бронзовой кожей играли на редкость симпатично. Чертовски привлекательно играли, я бы сказала...

– Может, вернемся в шалаш? – предложил смысленный супруг, поймав мой выразительный взгляд. – Когда нам еще доведется заняться любовью в момент затмения?

– Убедил, – я не заставила себя уговаривать.

Впервые после рождения малыша мы с мужем остались вдвоем: нашего слегка «подросшего» годовалого потомка на выходные взяла бабушка. Мы переживали второй медовый

месяц, и никакое затмение не могло помешать нам. Да что затмение! Метеоритный дождь вкупе с цунами – и те бы, пожалуй, не помешали!

Оставив пессимистично настроенных чаек куковать на пляже, мы вскарабкались по расщелине, забились под сень кущ и забываемо провели следующий час.

Затмение закончилось раньше. Когда мы снова спустились на пляж, уже ничто не напоминало о пугающем природном явлении. Цикады опять орали как резаные, а трусливые чайки смылись, оставив после себя на камнях белые потеки помета.

– Здорово птички испугались, однако! – заметила я.

– Поплыли! – Колян призывно махнул рукой и нырнул в воду.

Я последовала его примеру.

Мы уплыли подальше в море, чтобы видеть не только свою бухточку, но и большую часть побережья.

– Может, будем возвращаться? – предложила я через некоторое время, слегка замерзнув.

Муж, распластавшийся на воде, как огромная морская звезда, даже не пошевелился.

Я решила его припугнуть.

– Поплыли к берегу, а то сейчас ка-ак вынырнет рядом с нами вражеская подводная лодка!

– Правда?! – Колян оживился, внимательно обозрел водную гладь и даже пару раз нырнул.

Наверное, навстречу ожидаемой субмарине.

Пришлось изменить тактику.

– Знаешь, милый, в этих водах нередко встречаются очень противные медузы, – вкрадчиво сообщила я. – Большие, круглые, с такими волнистыми ногами. Синие.

– Ноги синие? – живо заинтересовался муж.

– Они полностью синие! И очень, очень ядовитые. Если, не дай бог, зацепят какого-нибудь неосторожного купальщика, тому обеспечен токсический шок и судороги, – вдохновенно врала я. – Особенно опасна встреча с этими чудовищами в открытом море! И с открытым телом! Никто не знает, сколько мужчин навсегда потеряли потенцию, напоровшись на коварно притаившуюся синюю медузу голым детородным органом!

– Ой, мамочка! – испуганно завопил вдруг Колян, напугав меня до тех самых судорог.

– Что?! Что случилось?!

– Медуза!

– Какая, к черту, медуза?!

– Да синяя же!

Проворным собачьим стилем я обогнула «притормозившего» мужа, чтобы первой подплыть к подозрительному предмету. Действительно, в волнах синевато поблескивало что-то круглое, размером со среднее яблоко.

И отважно протянула руку к синюшной дряни.

– Ну что? Что там?! – опасливо спросил Колян.

Я обернулась. Муж торчал в воде вертикально, гигантским поплавком. Греб он, очевидно, ногами, потому что рук его я не видела. Они явно прикрывали мужское достоинство, заботливо оберегая его от столкновения с предполагаемой медузой.

– Упражняешься в синхронном плавании? – съязвила я. – Расслабься, это никакая не медуза! Это обыкновенная стеклянная банка! Кажется, из-под майонеза.

И я перебрала Коляну свою добычу.

– Это необыкновенная стеклянная банка, – поймав ее на лету, не согласился со мной муж. – В ней что-то есть.

– Наверное, майонез, – логично предположила я.

– Да нет же, это записка!

– Записка! – обрадовалась я, подгребая поближе. – Кусок пергамента с картой острова, на котором спрятан пиратский клад?!

– Думаешь, в пиратский пищевой рацион входил баночный майонез? – усомнился муж. Я расстроено вздохнула. Действительно, неувязочка получается...

– Не огорчайся, бумажка-то внутри есть! Может, это что-то важное, – утешил меня Колян.

Спеша рассмотреть находку, мы наперегонки поплыли к берегу. Колян, хотя ему и мешала банка в руке, финишировал раньше меня: у мужа первый разряд по плаванию, куда мне против него с моим вторым по шахматам! Я вышла из воды, когда он уже скovyрнул с горловины банки корку чего-то, похожего на свечной парафин, и отвинтил крышечку.

– Фу! Это туалетная бумага! – Колян отшвырнул обрывок серого пипифакса, прежде чем я успела ему помешать.

Бумажка спланировала на камень и, прилипнув к сырому валуну, моментально промокла.

– Смотри, тут какие-то цифры! – я склонилась над обрывком. – Сорок восемь, шестнадцать, тридцать пять. Похоже на телефонный номер... И буквы... О, да это имя: Яна Лори! Не знаю такой... А написано, по-моему, помадой!

– Или кровью, – зловеще сказал муж.

Мы переглянулись.

– Не нужно тебе было ее бросать, – досадливо сказала я. – Это же не берестяная грамота, способная пережить века! Это обыкновенная туалетная бумага! Смотри, как она раскисла, она расплзается в руках. А надо было бы сохранить эту записку, мало ли, вдруг и впрямь что-то важное?

– Не трогай ее. Я вытащу этот камень из воды вместе с прилипшей бумажкой. Положу на солнышко, записка просохнет, и тогда мы ее отдерем, – предложил Колян.

– Отодрать надо бы кого-то другого, – проворчала я. – И как следует отодрать, ремнем по голой заднице!

– Я сейчас! – неожиданно муж сорвался с места.

Я с интересом поглядела ему вслед. Куда это он побежал? Неужто за ремнем? Вообще-то у меня в шортах есть прекрасный ремешок из натуральной телячьей кожи, прочный, мягкий и эластичный... Гм... Так мы еще не веселились, но почему бы не попробовать?

– Что стоишь как памятник? – муж вернулся с фотоаппаратом. – Отодвинься!

Я посторонилась, и Колян, старательно прицелившись, «щелкнул» камень с бумажкой.

– Ну вот, я увековечил загадочное послание! – отрапортовал он, явно ожидая награды за изобретательность.

– Топай в шалаш, – мечтательно щурясь, велела я.

Дальнейшее наше времяпрепровождение было столь увлекательным, что о снимках, сделанных в день затмения, мы забыли.

Напрочь.

Аж до зимы.

Глава 2

Новый год мы встречали в Киеве, у родителей мужа. И все было бы хорошо, если бы я не оставила одной своей коллеге по работе номер киевского телефона. Это я спорила глупость! Первого января та самая коллега позвонила не с поздравлениями, как можно было бы ожидать, а с печальной вестью. Первого января скоропостижно скончался наш главный редактор Дмитрий Палыч, отличный мужик и почти идеальный начальник. Поскольку следующим по ранжиру начальником была я, утвержденная в штатном расписании как заместитель главного редактора, высшее руководство в лице директора телекомпании настоятельно требовало моего присутствия на службе. Пришлось скрепя сердце поставить крест на каникулах и самолетом через Москву срочно вылететь в родной Екатеринодар. К сожалению, прямого авиасообщения между столицами Кубани и Украины нет уже много лет, со времен развала Союза.

– Если хочешь, мы с Масянькой завтра же сядем в поезд и уже через два дня будем дома, – предложил Колян, с трудом удерживая сынишку, истошно вопящего: «Мама! Мама!»

– Не надо, – я обняла малыша. – С моей стороны было бы свинством испортить отпуск и вам тоже. Я буду ждать вас после старого Нового года.

Скучать по оставшимся в столице братской Украины мужу и сыну я начала уже в самолете, а пару дней спустя моя тоска достигла апогея. Приглушить ее можно было бы, с головой уйдя в работу, но это не представлялось возможным, потому как работы-то и не было. Первая половина января – мертвый сезон, ни рекламы, ни новостей. Честно говоря, мне абсолютно нечего было делать! Проклинаю директора, который отозвал меня из отпуска «на всякий случай», я слонялась по пустым коридорам телекомпании, не зная, чем себя занять.

Дома было еще хуже. Обычно в так называемое «свободное» время мне вздохнуть некогда, нужно внимательно пасти резвого малыша и при этом успевать заниматься домашними делами. Сейчас у меня не было ни малыша, ни особых домашних дел: я себе не готовила, разве что чайник кипятила, питалась творожными сырками, яблоками и шоколадками. А грязные вещи для ежедневной стирки поставлял в основном сынишка, не вполне освоивший горшок, и источником беспорядка в квартире являлся, как правило, он. Так что сейчас ни стирать, ни убирать не требовалось.

Скуки ради я сходила в книжный магазин, набрала охапку томиков в ярких обложках и попыталась убить время, поглощая дамские романы, жанр которых определяю как «слон-тайство». Вышло только хуже, потому что описания жарких эротических сцен, попадающихся через страницу, вызывали в моем отдохнувшем организме отнюдь не смутное томление по любимому мужу. Телевизор же показывал исключительно юмористические программы, вызывающие у меня максимум кривую усмешку.

Тоскуя и грустя, я сняла с полки альбом с семейными фотографиями и долго листала его, с нежностью всматриваясь в дорогие мне физиономии. Попутно вспомнила, что перед самым отъездом в Киев мы с Коляном отщелкали новую пленку, но не вытащили ее из фотоаппарата, потому как пара не отснятых кадров еще осталась.

– Ура! – воскликнула я, радостно потирая руки. – Вот и нашлось хоть одно полезное и нужное дело! Проявлю-ка я эту пленочку и напечатаю новенькие фотографии!

Сказано – сделано! Я бросила взгляд на часы: девятнадцать десять! Ближайшее фотоателье «Коника-чудо» работает до восьми. Успею, если потороплюсь!

Я так стосковалась по активным действиям, что собралась, как хорошо обученный солдат по тревоге, – минуты за две. Мгновенно вошла в джинсы, на бегу натянула свитер, прыгнула в ботинки и уже на лестничной площадке, захлопнув дверь, запаковалась в шубку. Фотоаппарат я сунула в карман, решив, что пару оставшихся кадров отщелкаю по пути в фотоателье. Не пропадать же добру!

У меня родилась мысль по случаю сфотографировать Котофана. Так мы с Коляном окрестили здоровенного рыжего котяру, ошивающегося возле нашего дома. Хозяев у Котофана нет, но он и сам малый не промах: ловко ловит мышей, крыс и голубей, а также регулярно собирает дань с обитателей всех трех подъездов нашего дома. Честно говоря, рыжий разбойник просто-напросто шантажирует мирных граждан: если ему не выносят еду, он писает на лестничной клетке и метит коврики. Котофан здоровенный зверь, крупнее многих собачек, морда поперек себя шире, усы веником, хвост трубой. Сломанное правое ухо придает ему некоторое сходство с породистым «британцем». Наблюдательный пост котяра устроил себе на трубе теплотрассы, буквой «П» поднимающейся над проулком. Рыжий бродяга сидит на трехметровой высоте с царственным видом, свесив вниз полосатый, как милицкий жезл, пушистый хвост.

Мне давно хотелось запечатлеть эту картину, и сейчас два пустых кадра на пленке оказались кстати. Резво добежав до резиденции Котофана, я нашла нужный ракурс и щелкнула котяру. Котофан позировал как надо, но с фоном мне не повезло. На заднем плане оказался новенький, с иголки, двухэтажный особнячок, невесть как затесавшийся в ряды старых, еще сталинских времен, трехэтажек. Как раз в тот момент, когда я нажала на кнопку фотоаппарата, неожиданно открылись ворота в окружающем терем сплошном кирпичном заборе. Понимая, что быстрое скольжение сдвижных ворот может смазать снимок, я терпеливо дождалась, пока проем откроется полностью, и снова щелкнула.

Смотрела я при этом на Котофана. То, что в кадр попал чей-то двор с готовой тронуться машиной и парой мужиков на крыльце, меня не интересовало. А вот их, мужиков этих, фото-вспышка явно обеспокоила. Один из них даже что-то крикнул и шагнул за ворота. Наверное, хотел наорать на меня за то, что я без разрешения вторгаюсь в частную жизнь со своей старенькой «мыльницей».

– Подумать только, меня приняли за папарацци! – тихо хихикнула я, поспешно отступая.

Знаю я таких богатеньких невоспитанных дядечек, которые ошибочно думают, будто они повелевают всем миром. Им ничего не стоит натравить на хрупкую женщину дюжих охранников, отнять фотоаппарат и засветить пленку. Попробуй объясни такому жлобу, что объектом фотосъемки был уличный кот, а вовсе не Их Величество!

И я предусмотрительно ретировалась. Быстро пересекла небольшую заснеженную площадку перед теремом, на ходу оглянулась и увидела, что из ворот выскочил мужичок типа «толстолобик». Такой, знаете ли, с крепкими бицепсами, с арбузными кулаками, но без шеи и с маленькой бритой головой, мозги в которой защищены лобовой броней дюймовой толщины. Оп-ля! Никак и впрямь за мной погоня?!

Не особенно этому удивившись, я метнулась к ближайшему дому. Старый район, в котором я живу, застроен в основном домами «малой этажности», среди которых попадаются весьма интересные образчики архитектуры середины прошлого века. В частности, та трехэтажка, в которую я влетела, примечательна тем, что ее средний подъезд – сквозной. То есть, кроме парадного входа, имеется черный. Нужно только спуститься на несколько ступеней под лестницу, войти в подвал и уже из него можно выйти по другую сторону дома через маленькую дверцу. О черном ходе знают многие, не только жильцы конкретной «сталинки», но и обитатели соседних домов: по проходу, именуемому местными жителями «сквознячком», очень удобно выходить из глубины квартала к трамвайной остановке. Не нужно делать крюк в обход сплошной линии домов.

Я пролетела по пустому «сквознячку», как легкий весенний ветерок, и дунула напрямик в трамвай, который очень удачно причалил к остановке именно в этот момент. Неразворотливый «толстолобик» не появился. Наверное, не знал про черный ход. Тихо порадовавшись этому, я проехала одну остановку до «Коники-чудо», сдала в проявку пленку и узнала, что могу забрать ее через полчаса, не раньше. Но и не позже, так как в восемь фотоателье закроеется.

Я вышла в темноту январского вечера и поежилась. Не очень-то уютно в это время года и суток на улице, может, ну ее, эту пленку, завтра заберу? Но тут же вспомнила, что дома меня никто не ждет и спешить мне совершенно некуда... Я потопталась на месте, соображая, куда бы направить свои стопы, чтобы переждать тридцать минут в теплом помещении, и пошла в парикмахерскую. Давно хотела подстричься, все времени не было...

Двадцать пять минут спустя я вышла из парикмахерской, совершенно преображенная. Длинные каштановые волосы, еще недавно спадавшие мне на спину, стали гораздо светлее, а также заметно короче и ниспадали на плечи игривыми локонами. Правда, я подозревала, что тут весь фокус в укладке. Как только я вымою голову, прическе придет полный капут, торчащие лохмы опять придется забирать в банальный хвост, но пока что я сама себе нравилась, и портило мне настроение только одно обстоятельство. На улице пошел мокрый снег, который чрезвычайно быстро испортит мою прическу.

Впрочем, у меня был верный шанс ее спасти. Моя белая с рыжим шубка из шерсти австралийского мериноса сшита таким образом, что ее можно носить на две стороны. Если вывернуть шубку мехом внутрь, а подкладкой наружу, получается золотисто-коричневая стеганая куртка, тепленькая и непромокаемая, что делает ее особенно удобной. Очень практичная вещь для наших южных широт с их непредсказуемой погодой! Вдобавок вместо воротника у шубки-куртки большой капюшон, так что я избавлена от необходимости носить в морозы шапку, а в дождь – зонтик!

Между прочим, прошу заметить, как гордо звучит: «австралийский меринос»! А ведь речь идет о самой обыкновенной овце, только живущей на другом континенте. Вот это я называю хорошим пиаром!

Я ловко вывернула свое меховое одеяние подкладкой наружу, упаковалась в куртку и осторожно накрыла голову капюшоном. Под непрекращающимся снегом перебежала через дорогу к фотоателье. Получила проявленную пленку, села в трамвайчик и вернулась домой тем же путем, через «сквознячок», мимо терема и трубы теплотрассы, с которой уже удалился рыжий Котофан.

Как вскоре выяснилось, умная животиная спряталась от дождя в нашем подъезде, так что мне пришлось выдать коту один творожный сырок – на тот случай, если никто из соседей не успел еще откупиться от него сосиской или мясными обрезками. Если Котофан пометит двери – это будет почище газовой атаки в токийском метро!

Дома было пусто, тихо, но тепло и потому уютно. Сняв с себя и перевесив на плечики над ванной подмокшую куртку, переобувшись в теплые домашние тапочки, я достала из фирменного конверта «Коник-чудо» проявленную пленку и кадр за кадром внимательно рассмотрела ее на свет настольной лампы. Четко и разборчиво заполнила специальные графы на конверте, указывая номера кадров, с которых хотела сделать фотографии. Свернула пленку, затолкала ее в специальный цилиндр и машинально положила в большую обувную коробку с остальными фотопленками разных времен.

Немного поскучала перед телевизором, скушала последний завалявшийся в холодильнике творожный сырок, запила его чаем, зевнула и пошла баиньки. В отсутствии любимых мужа и сынишки был только один, но зато очень большой плюс: никто не будил меня в половине седьмого утра, так что до начала рабочего дня вполне можно было выспаться. Чем я и занялась безотлагательно.

– И какой ты, на фиг, после этого «мобиль»? – злобно прорычал Босс.

Здоровенный мордоворот Петя Мобиль виновато потупился.

Мобиль – это не кличка, а фамилия, которую Петя получил в детдоме. При этом имя Петя являлось уменьшительно-ласкательным от «Перпетуум». Перпетуум Васильевич Мобиль! В раннем детстве Пете казалось, что это звучит гордо, но уже в подростковом возрасте он горел

желанием узнать, кто был тот умник, который окрестил пацаненка «вечным двигателем»! Ни один из воспитателей в авторстве не признавался, что было, в общем-то, понятно: малец Перпетуум даже на жидких детдомовских харчах умудрился вымахать в громилу с пудовыми кулачищами.

А «мобиль» из него и впрямь получился никудышный! По скорости реакций Петя сильно уступал трехсотлетней галапагосской черепахе и был могуч, но неповоротлив, как диплодок. Жили в незапамятные времена такие здоровенные динозавры с мощными шеями, маленькими головками и головным мозгом, развитым меньше, чем спинной.

– Дак я чего... Я это... Я бежал! – оправдывался Петя.

– Как ты, блин, на фиг, бежал?! – снова зарычал Босс.

– Ногами, – простодушно ответил Петя.

Босс возмущенно взревел, как паравоз, и, выпуская пар, пробежался вокруг своей «Ауди». Машина две минуты назад вкатилась во двор, ворота за ней закрылись, и Босс, обычно старающийся лишний раз не высовываться из дома, нарезал круги по двору, не опасаясь того, что в этот поздний час его кто-нибудь увидит.

– Пряма не знаю, куда она подевалась, – Петя растерянно развел руками, похожими на две снегоочистительные лопаты. – Вроде чесала впереди, как свинка, а потом вдруг – раз! И нет ее!

– Какая свинка? – Босс остановился и посмотрел на Петю с явным недоумением.

– Морская, – ответил тот.

– Так, спокойно! – Босс крепко потер лоб, сделал одно за другим два упражнения дыхательной гимнастики, приложил к разгоревшимся щекам пару снежков и только после этого снова посмотрел на Петю.

– Так какая, блин, на фиг, морская свинка?

– Здоровенная! – детина развел руками, показывая, какого размера была свинка.

Получалось, что свинка по величине могла поспорить с коровой холмогорской породы.

Босс страдальчески скривился.

– Мех на ней такой же был! – поспешил пояснить Петя. – Бело-рыжий, пятнами! Ну, чисто морская свинка! У нас в детдоме в живом уголке жила одна такая – смешная тварь, веники жрала!

– То есть эта баба в пятнистой шубе была? – до Босса наконец дошел смысл Петиних иносказаний.

– Честно говоря, не уверен я, баба это или мужик, – признался Петя, почесав в затылке. – Морду-то я не видел, только спину в шубе и хвост!

– Какой хвост?!

– Рыжий, – подумав, сказал Петя. – Или русский, я толком не разглядел.

– Ты про волосы говоришь? – уточнил Босс.

Мобиль обрадованно кивнул.

– О-ох, – тяжело вздохнул Босс.

Он сделал несколько приседаний, искоса посмотрел на улыбающегося Петю и строго сказал:

– Чего стоишь? Загоняй машину в гараж, пока не остыла!

– Угу! – громила с готовностью полез за руль «Ауди».

Функции Пети при Боссе были многообразны, но Мобиль на судьбу не жаловался. Кров, стол, высокооплачиваемая работа – чего еще мог желать парень, жизнь которого началась в детском доме, а продолжилась в ПТУ и колонии для несовершеннолетних?

– А морскую свинью эту чтоб нашел, понял? – велел Босс, наклонившись к окошку автомобиля. – Не отыщешь мне эту бабу в пятнистой шубе, я с тебя самого шкуру спущу!

– Найду, не беспокойтесь! – пообещал Петя. – Ночами спать не буду, а поганку эту подкараулю и ноги-руки ей вырву!

– Достаточно вырвать у нее пленку, – проворчал Босс, взмахом руки отпуская машину. Туповатый и недалекий, Петя был исполнителен и полон рвения.

Над всеми бабами в пятнистых шубах в радиусе километра нависла смертельная опасность.

Глава 3

Под тихий шелест нудного мелкого дождя, в который перед рассветом перешел мокрый снег, спалось мне замечательно, и проснулась я только в половине девятого утра. Будильник в нашем доме никогда не заводится, потому что утренний подъем приурочен к пробуждению Масяньки, а он обычно встает как штык в половине седьмого.

С трудом открыв глаза, сладко зевнув и с хрустом потянувшись, я взглянула на часы, сообразила, что опаздываю на работу, и с визгом выскочила из теплой постели. Быстро умылась, оделась, с сожалением отказалась от мысли позавтракать – и некогда, и нечем! – сунула в сумку пакет «Коники-плюс», спешно выудила из архивной коробки пластмассовый цилиндр с отсмотренной накануне фотопленкой, сдернула с вешалки просохшую куртку и умчалась.

Скатилась по лестнице, промчалась по двору мимо трубы теплотрассы, приветливо помахав рукой в темно-рыжей – под цвет куртки – перчатке светло-рыжему Котофану, внимательно обозревающему окрестности с высоты своего «трона». Неприязненно покосилась на новорусский терем и привычно шмыгнула через сквозной подъезд к трамвайной остановке. Доехала до фотоателье, оформила заказ на печать фотографий и помчалась дальше, на работу.

Вот туда можно было не спешить! Тут имелась совсем другая проблема – как скоротать рабочий день без работы и при этом не скончаться от скуки.

То и дело в тоске поглядывая на часы, до одурения медленно отсчитывающие мое присутственное время, я послонялась по пустым коридорам, выпила одну за другой четыре чашки кофе, написала и отправила по электронной почте пространное жалобное письмо своим любимым в Киев и очень обстоятельно побеседовала о смысле жизни с пожилой вахтершей. После вялотекущей, но продолжительной дискуссии мы сошлись во мнении о том, что такое счастье (мол, каждый понимает это по-своему), и дружно заклеили позором приземленных типов, не верящих в чудеса (мол, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам). Наконец, в четвертом часу пополудни, когда я уже совершенно обалдела от вынужденного безделья, бодро и весело зазвонил мой сотовый.

– Да! – радостно проорала я, с размаху чувствительно треснув себя трубкой по уху.

– Привет! С Новым годом, с новым счастьем! – с энтузиазмом завопила невидимая Ирка.

В последний раз мы с ней виделись-слышались еще до Нового года. Моя лучшая подруга отправилась встречать праздники на горнолыжный курорт «Красная поляна», откуда мне не звонила. Может, в горах были проблемы со связью, а может, ее так захватил активный отдых, что некогда было вспомнить о тех, кто лишен удовольствия прокричать в затылок ближнему: «Лыжно!»

Мое воображение тут же нарисовало благостную рождественскую сцену. Вот румяная Ирка в толстом свитере ручной вязки и старых потертых джинсах, прикрыв колени уютным клетчатым пледом, сидит у горящего камина и поглядывает в затянутое морозными узорами окошко, за которым в темнеющем предвечернем небе вздымаются высокие сосны, а за ними – еще более высокие горные вершины...

– И тебя с праздником, дорогая! – слегка завистливо сказала я. – Когда увидимся?

– А когда вы вернетесь?

– Колян с малышом после старого Нового года, а я уже вернулась. Представляешь, меня экстренно выдернули из отпуска, умер наш Главный, пришлось сделать ручкой родственникам и срочно лететь домой...

– Да ты что? Вот здорово! – обрадовалась Ирка.

– Что ты такое говоришь? – неприятно удивилась я. – Хороший человек умер, и мои долгожданные каникулы накрылись медным тазом, а тебе все это здорово?!

– Да нет же, ты меня неправильно поняла! Здорово, что ты дома, потому что я и сама совершенно неожиданно вернулась, причем тоже летела, да еще как!

Из дальнейшего сумбурного и, на мой взгляд, неоправданно радостного рассказа подружки выяснилось, что летела Ирка сначала с горы кувырком, а потом на спасательном вертолете. Аккурат первого января их с Моржиком (это Иркин муж, а не домашнее животное! Хотя в принципе чем один отличается от другого?) черти понесли на горную вершину, которую супруги героически покорили с помощью исправно работающего подъемника. И уже там, на вершине, вспомнили, что забыли взять на гору лыжи, зато захватили с собой бутылку шампанского. Распив во льдах и снегах холодную шипучку, Ирка и Моржик возжаждали новых подвигов и приняли смелое решение спуститься с вершины на пятой точке.

Ну, у Ирки-то, которая весит почти центнер, эта самая точка весьма обширная, поэтому подруга на импровизированной бобслейной трассе оказалась гораздо «усидчивее», чем ее менее дородный супруг. Моржик вылетел из снежной колеи, проложенной супругой, уже на первой минуте спуска. В полете он очень удачно разминул с одинокой сосной, при приземлении пробил головой снежный наст и на зависть «Метрострою» пробурил в глубоком сугробе довольно протяженный тоннель.

– Слава богу, сама я этого не видела, а то у меня разрыв сердца случился бы! – оживленно повествовала Ирка. – Но я в этот момент как раз впереди катилась... То есть как катилась? Сначала просто спокойно ехала на заднице, а потом меня как-то так закрутило, развернуло руками вперед, и еще метров двадцать я неслась вниз по склону, сгребая впереди себя снег, как бульдозер без тормозов! Ох, видела бы ты меня после этого! В рукавах снег, в капюшоне снег, за пазухой снег, даже в трусах, извини за подробности, целый сугроб! А уж наглоталась я этого снега – на мороженое лет пять смотреть не смогу!

Я представила себе заиндевелшую Ирку, похожую на снежную бабу, и захохотала.

– Одного не понимаю, – голос подружки стал задумчив. – Почему же я не руку сломала, а ногу? Ноги-то у меня сзади были, волочились по насту, как рыбий хвост, что им вроде могло сделаться? А вот, надо же, руки целы, а ноги пострадали!

– Ты сломала ногу?! – Я тут же перестала смеяться.

– Правый голеностоп, – гордо подтвердила Ирка.

– Боже мой! Ничего себе, праздничный подарок! И со сломанной ногой ты сидишь в этой чертовой хижине?

Мое воображение «зависало», как допотопный компьютер. Я все еще видела подругу в хижине с видом на заснеженные горные вершины. Ирка все так же уютно восседала в кресле-качалке у камина, только теперь перед моим мысленным взором предстала и торчащая из-под шерстяного пледа загипсованная нога.

– Ничего себе хижина – восемь комнат на трех этажах! – несколько обиженно заметила Ирка.

Я помолчала, соображая.

– Ирустик! Так ты дома, что ли?!

– А я тебе о чем говорю! Вечно ты перебиваешь, ничего не даешь толком рассказать! – упрекнула меня подруга. – Значит, так. С горы нас с Моржиком снимал вертолет президента – он ближе был, чем спасатели.

– Кто? Президент?! Он тоже катался с вами с горы?! И тоже без лыж?!

– Вертолет президента, а не он сам! Лыжи у него как раз были – внизу, вместо колес. Но ты меня не перебивай! Вертолет прилетел, нас с Моржиком быстренько раскопали, положили на носилки, каждого на свои, и доставили в больницу. Мне загипсовали ногу и отпустили с миром, а Моржик, бедолага, так и остался лежать...

– Где?! – испугалась я.

– Ну в больнице же! У него нога на вытяжке висит! – голос подружки предательски задрожал, и я поняла, что вся ее бравада была напускной.

– Ирустик, не горюй! Я сейчас к тебе приеду! Будем вместе сиротеть, вдвоем! – я поспешно заталкивала в сумку разбросанное по рабочему столу мелкое барахло.

– Втроем, – поправила меня подруга. – Раз уж я дома, то попрошу соседей вернуть нашу собаку. Хватит с них, и так на халяву пользовались немецкой овчаркой почти пять дней!

Тут Ирка, прямо скажем, перегнула палку. Наш общий пес, немецкая овчарка Томас, отличается необузданным нравом и отменным аппетитом, так что прокормить зверюгу дорогого стоит. А если приплюсовать к тому неизбежные убытки от всего испачканного, разбитого и поломанного энергичным зверем, то пятидневный пансион для собаки должен был влететь Иркиным соседям в копеечку.

Впрочем, я не стала ей этого говорить. Я вообще больше ничего не сказала, выключила телефон и бессовестно сбежала с работы, не дождавшись окончания трудового дня. Иркино душевное равновесие мне гораздо важнее, чем трудовая дисциплина!

Правда, я не поехала напрямик в Пионерский микрорайон, на дальней окраине которого, в квартале новых частных домов, живут Ирка и Моржик. Сначала я все-таки отправилась домой, чтобы собрать вещи, раз уж я решила временно переселиться к Ирке.

Путь мой занял немного больше времени, чем обычно, потому что «сквознячок» неожиданно оказался заколоченным. Я на всякий случай сильно подергала дверь – нет, прибита намертво!

– А ну, иди отседова, хулиганка!

Из ближайшего окна первого этажа раздался такой визгливый крик, что я аж присела, как под обстрелом.

– Ходят тут, бандюги, наркоматики!

– Бабуля, не кричите! – попросила я, морщась и озираясь в поисках нервной дамы, чей благородный возраст объяснял бы некоторую неточность в терминах.

Назвать наркоманов наркоматиками могла только какая-нибудь ровесница Великой Октябрьской революции!

– Я не бандюга и уж тем более не наркоматик!

– А не врешь?

– Могу перекреститься! – предложила я. – А хотите, удостоверение покажу? Оно не бандитское, а журналистское, телевизионное!

– А ну, подь сюды!

Из форточки высунулась всклокоченная седая голова маленькой старушки. Очевидно, для беседы со мной бабушка влезла на подоконник.

Я послушно переместилась под окно.

– Правда, на бандюгу вроде не очень похожа, – критично осмотрев меня, заметила бабка. – Тошная слишком... Тогда ты, может, мошенница? Ошиваешься тут...

– Да не мошенница я! И не ошиваюсь! Я живу в соседнем доме и уже привыкла ходить к трамваю напрямик, через ваш подъезд.

– Ну, так отвыкай давай, – буркнула старушка. – Нонче утром мужики с ЖЭКа забили этот твой «сквознячок» гвоздями! А на парадное мы вскорости хитрый замок поставим, с кнопочками, чтобы всякая шантрапа в подъезде не околачивалась! Ишь, повадились шнырять через порядочный дом напростец! То под лестницей нагадят, то поганые слова на стенах напишут, а теперь еще приличных людей убивать начали!

Я посмотрела на сурово поджатые губы воинственной старушки и отказалась от мысли убедить ее в том, что не имею обыкновения гадить под лестницами, малевать на стенах и уж тем более кого-то убивать. Особенно порядочных людей. Хотя некоторых непорядочных при удобном случае, пожалуй, могла бы и грохнуть. Помнится, лет десять назад моим любимым

занятием было изобретать идеальный способ убийства несносной дамы, бывшей в те времена моей свекровью. Очень меня это бодрило и успокаивало! Теперь-то, конечно, я ничего плохого этой достойной особе не желаю. Сейчас она отравляет жизнь совсем другой женщине.

– А кого убили? – просто спросила я.

– А Вальку-агрономшу, – старушка с готовностью сменила тему. – Она в нашем подъезде жила, в семнадцатой квартире! Вышла нынче поутру, в десятом часу, чтобы на дачный автобус на десять двадцать успеть, а в подъезде, в «сквознячке»-то, ее по голове и тюкнули! А зачем тюкнули, даже и непонятно: и кошелек в кармане оставили, и сумку распотрошили да бросили, и шубу не сняли. Правда, шуба у ней не больно-то казистая была, клочкастая такая, пятнистая, как собака-сенбарбос...

– Сенбернар, – машинально поправила я, с понятным испугом посмотрев на дверь черного хода.

Надо же, какое, оказывается, опасное место, а ведь я дважды в день, утром и вечером, через эти Фермопилы бегала! Пожалуй, даже хорошо, что «сквознячок» закрыли! Плохо только, что теперь придется кругалю давать в обход, но жизнь дороже.

Придя к этой здоровой мысли, я наскоро распрощалась с разговорчивой старушкой, обошла шеренгу трехэтажек, в тумане похожих на вереницу слонов, и без происшествий пришла домой. Собрала необходимые вещи, быстренько упаковала рюкзачок, вздернула его на плечо и пошла на трамвай, из которого по пути выскочила, чтобы забрать в ателье готовые фотографии.

Калитка в глухом металлическом заборе, окружающем Иркино домовладение, была открыта настежь. Я немного удивилась, сунула голову в проем и громко позвала:

– Есть кто живой?

Ответом мне была звенящая тишина. Пожав плечами, я шагнула во двор, обогнула дом, чтобы по-свойски зайти с черного хода, и едва успела повернуть за угол, как кто-то живой себя обнаружил, прыгнув мне на спину. Я даже не успела как следует испугаться! В мозгу молнией мелькнула мысль о том, что права была бабка-форточница, предупреждавшая меня об опасности черных ходов! Ну что мне стоило зайти с парадного!

– Караул! – придушенно завопила я.

И завертелась юлой, пытаясь стряхнуть с себя тяжело сопящего злоумышленника.

И чего он сопит? Чего вообще хочет?! Почему не кричит: «Кошелек или жизнь?»

Тут прямо над моей головой заскрежетала и распахнулась бронированная дверь. В потоке света на высоком крыльце возникла черная фигура, своими очертаниями точь-в-точь совпадающая с классическим изображением коровы, пришедшей на прием к Доктору Айболиту. Это одна из любимых книжек моего ребенка, у нас есть сразу три разных издания, и во всех хворая буренка нарисована с ногой в гипсе и на костылях.

– Кто здесь? Чего надо? – взревела Ирка нечеловеческим голосом.

Ну и впрямь больная буренка!

– Приходи к нему лечиться и корова, и волчица! – завопила в ответ я. – Ирка, спаси-помоги, на меня кто-то напал!

– Именно волчица, – слегка подобревшим голосом сообщила подруга. – То есть наша с тобой общая овчарка! Том, фу!

– Томка! Ты меня до смерти напугал!

Я поднатужилась, крякнула, распрямилась и стряхнула со своей спины здорового пса. Соскучившийся зверь тут же забежал с фронта и опять встал на задние лапы, норовя заключить меня в свои медвежьи, то бишь собачьи объятия.

– Ты калитку закрыть не додумалась? – озабоченно спросила меня Ирка.

– Я-то додумалась. А ты почему ее бросила открытой?

– Потому что потому! – буркнула Ирка. – Томка не дал закрыть! Я на костылях, а он на своих четырех, поэтому у него явное преимущество в маневренности! Вцепился, зараза, зубами в мой гипс, и мне уже не до калитки было, сама еле ногу унесла!

– Одну? – уточнила я, поднимаясь на крыльцо.

– Одну ногу и один гипс, – кивнула Ирка.

Я закрыла за собой дверь, оставив «с носом» любопытную собаку, и прошла в дом. Ирка на костылях скакала впереди, производя по пути серию небольших землетрясений. В кухне, через которую мы проследовали без остановки, жалобно дребезжала посуда. За закрытыми дверцами бара в гостиной тоненько звенело стекло.

– О! Давай выпьем! – оживилась Ирка.

– Сиди, я сама! – Открыла бар и экономно накапала ей в рюмку дорогой французский коньяк.

Себе налила тоника. Сочувственно посмотрела на Иркину ногу в гипсовом валенке:

– Больно?

– Терпимо, – подруга махнула рукой. – Ничего страшного в переломе нижней конечности я не вижу, только очень скучно. Приходится сиднем сидеть на одном месте, а я так жить не привыкла.

– Я тебя понимаю, мне сейчас тоже очень скучно, – пожаловалась я. – В телекомпании каникулы, народ в отпусках, ничего не происходит, рутина! А дома без Коляна и Масыньки так уныло, хоть криком кричи! Кстати, ты не хочешь посмотреть наши новые фотографии? Я их только что забрала и сама еще не видела.

Я достала из сумки красочный конверт «Коники», протянула его Ирке и налила себе еще тоника. Горьковатая жидкость стекла в пустой желудок, он протестующе заурчал, и я вспомнила, что за весь день ничего не ела, только кофе лакала ложками.

– Надеюсь, в доме есть какая-нибудь еда? – спросила я Ирку.

И, не дожидаясь ответа, прошла в кухню. Иркин огромный холодильник, неизменно до отказа забитый продуктами, – предмет нескрываемой зависти моего мужа. Он как-то признался, что склонен рассматривать Иркин личный неопустошаемый рефрижератор как воплощение сказочной мечты о скатерти-самобранке.

Я взяла с полки кусок «Тильзитера» граммов на триста и, откусывая прямо от дырчатой сырной пирамидки, вернулась в гостиную. Ирка внимательно изучала фотографии.

– Когда это вы фотографировались? – спросила она.

– Как раз перед Новым годом, аккуратно на Рождество, – ответила я, приземляясь на диван рядом с подругой. – Дай-ка я тоже посмотрю, что получилось... Ой! Что это?!

Ирка с неподдельным интересом рассматривала фотографию моего мужа. Колян был запечатлен на фоне моря, в полный рост и голышом, как король из сказки Андерсена.

– На Рождество Коляна? – уточнила Ирка, с явным удовольствием созерцая обнаженную натуру.

– На католическое Рождество, – машинально отозвалась я и растерянно потыкала пальцем в фотографию: – Ничего не понимаю, что это?!

– В твоём возрасте несколько странно не знать, «что это»! – поддела меня подруга. – Помоему, это...

– Это чистой воды порнография! – рявкнула я, краснея и пытаясь завладеть снимком.

Ирка уклонилась, отведя руку с фотографией подальше.

– Воды тут тоже полно, – согласилась она.

– Разумеется, мы же были на море! – буркнула я. – Похоже, я перепутала коробочки и отнесла в печать не ту пленку.

Черт, если бы поутру я так не спешила, наверное, посмотрела бы, какую именно пленку сунула в конверт «Коники», – оказывается, вовсе не рождественскую, а стародавнюю, имени

летнего затмения! Вообще-то фотографии с нее мы с Коляном сделали еще в августе, но тогда печатали не все снимки, а только те, которые нас заинтересовали. Так что на этот раз в пачке свежих глянцевых фотографий, полученных мной нынешним вечером, были снимки, которых я раньше не видела. Например, голый Колян, а также моя собственная обнаженная натура на фоне голубых морских далей, а еще фотография мокрого серого камня с прилипшей к нему туалетной бумажкой. «ЯНА ЛОРИ 481635» – эта надпись печатными буквами без знаков препинания была видна превосходно. Снимков «Яны Лори» было аж два.

– Это летние съемки, я вспомнила, мы тогда фотографировали затмение, – неохотно пояснила я Ирке.

– Что вы фотографировали?! – удивленная подруга потеряла бдительность, и я ловко выхватила у нее пачку снимков.

– Солнечное затмение! Правда, я и тогда сомневалось, что что-нибудь получится. Но Колян упорно снимал. Мало ли, вдруг какой-нибудь протуберанец проявился бы...

– Ну, протуберанец получился – дай бог каждому, – заметила Ирка.

– Закроем эту тему! – я сунула веселое фото голого мужа в самую середину пачки снимков.

– А это еще что за наскальные росписи? – заинтересовалась Ирка.

Я покрутила в руках следующее фото, присматриваясь и припоминая.

– А, это было в банке!

– В каком банке? – подруга непонимающе нахмурилась.

– Я тебе говорю не про банк, а про банку! Самую обыкновенную банку, стеклянную, майонезную! В ней была эта записка!

И я поведала Ирке историю обретения банки с загадочным посланием на туалетной бумаге.

– А ты звонила по этому номеру? – спросила подруга, внимательно выслушав мой рассказ.

– Нет.

– А почему?

– А зачем?

– А просто так! Из интереса! – Ирка всплеснула руками и зацепила телефон, стоящий на тумбочке у дивана.

Трубка сдвинулась с рычага, и послышался долгий гудок. Не сговариваясь, мы посмотрели сначала на аппарат, потом друг на друга.

– Давай же! – почему-то шепотом сказала Ирка, подталкивая меня локтем. – Набери номер!

– Не буду!

– Тогда я сама! – Подруга потянулась к трубке.

– Сиди! – Я пересела на подлокотник дивана поближе к телефону. Пробежалась по кнопкам и замерла в ожидании. Ирка затаила дыхание и начала краснеть, как стремительно созревающий помидор. – Отомри, – шепнула я ей, слушая гудки в трубке. – Алло! Алло, здравствуйте! Я звоню по номеру сорок восемь – шестнадцать – тридцать пять?

– Вам виднее, по какому номеру вы звоните, – насмешливо ответил мне приятный мужской голос.

– Извините за беспокойство, скажите, пожалуйста, это ваш номер? – я не обратила внимания на обидный тон. – А полгода назад, летом, он тоже был вашим?

Я решительно не знала, как объяснить незнакомому человеку мой интерес к его телефону.

– А почему вы спрашиваете? – точно подслушав мои мысли, спросил незнакомец.

Тьфу, пропасть! Почему я спрашиваю? Сама не знаю! Я сделала страшные глаза и засе-
мафорила бровями Ирке: пока я тянула резину, замирая перед моим собеседником в глубо-
ком пардоне, она успела проскакать в кухню и взять трубку параллельного аппарата. Колчено-
гая-колченогая, а шустрая, что твой кролик!

– Скажи, что это коммерческая тайна! – прикрыв трубку ладонью, прошептала она мне.

– Это тайна следствия! – брякнула я с подачи подруги, от волнения немного напутав.

В трубке озадаченно замолчали.

– Данный телефонный номер был написан губной помадой на клочке туалетной бумаги, –
опасаясь, что собеседник вот-вот положит трубку, я пошла напролом. – В наши руки он попал
восьмого августа минувшего года. Вам ни о чем не говорит эта дата? Где вы были восьмого
августа?!

– Я думаю, нам нужно встретиться, – после долгой паузы предложил мужской голос,
несколько утративший былую приятность. – Сегодня в семь вам будет удобно?

– Нам всегда удобно, – рыкнула я, невольно войдя в роль нахального грубияна-сыскаря. –
Как я вас узнаю?

– Я буду ждать вас в серебристой «девятке», – подумав, сообщил мужчина. – У памятника
Тургеневу, с семи до семи пятнадцати. Не опаздывайте, пожалуйста, у меня много дел.

– Дела у прокурора, – мгновенно отреагировала я.

Ирка показала мне большой палец.

– Что? Конечно, вы правы... Да! Захватите, пожалуйста, с собой ту записку, о которой
вы говорили. – Мой собеседник явно решил, что сказал достаточно, потому что голос сменили
гудки.

Я с недоумением посмотрела на трубку, положила ее на аппарат и перевела взгляд на
подругу. Она увечным слоном прыгнула из комнаты – пол дрогнул, колокольчиками зазвенели
подвески на люстре.

– Чего стоишь, как знак вопроса? Помоги мне одеться! – закричала Ирка уже из прихо-
жей.

– Интересно знать, куда это ты собираешься?

Я выдвинулась в коридор и скептически оглядела подругу, пытающуюся натянуть на себя
дубленку, не выпуская из рук костылей.

– Как куда? К памятнику Тургеневу, разумеется! – Она вызывающе посмотрела на меня,
уловила мое неодобрение и рассердилась. – Ну же, шевелись! Наконец-то в моей серой скучной
жизни обнаружился намек на какое-то приключение, а ты хочешь меня его лишить?! Живо
одевайся и топай в гараж за машиной!

– Водила, трогай! – проворчала я, притворяясь, будто раздосадована.

На самом деле мне было уже почти весело: что греха таить, я тоже хотела развлечься.

Я напялила куртку, загнала в вольер Томку, вывела из гаража нашего верного коня –
Иркину «шестерку», препроводила в экипаж травмированную боевую подругу и, усевшись за
руль, сообразила, что не успела сказать тому мужику, что самой записки у меня нет, а есть
только ее фотография! Даже две фотографии.

– И в чем проблема? – выслушав меня, пожала плечами Ирка. – Туалетной бумаги в доме
– навалом, можно слепить из папье-маше твою статую в полный рост. На отсутствие губной
помады я тоже не жалею, полная палитра в ящике трюмо в спальне. Ты вроде письму обучена,
вот и напиши пару слов. Валяй, действуй!

– Это называется «фальсификация», – заметила я.

Но спорить не стала, быстренько вернулась в дом, нашла в Иркиной косметичке подхо-
дящую по цвету «губнушку» и, сверяясь с образцом на фотографии, старательно воспроизвела
на обрывке пипифакса исторический документ.

– Отлично, – похвалила меня Ирка, изучив дело рук моих. – Почерк не отличишь, просто гениальная фальшивка!

– Молчи, несчастная! – беззлобно огрызнулась я, нагибаясь, чтобы снять ботинки.

Мягко говоря, я не очень хороший водитель и не могу управлять автомобилем в обуви на каблуках или на такой массивной подошве, как на моих «гриндерах». Честно говоря, боюсь такой широкой лапой разом накрыть сразу две педали!

– Да поехали уже, поехали! – прикрикнула на меня Ирка, поглядев на часы. – Шевели плавниками, половина седьмого, времени в обрез, а нам еще в пробках стоять!

В пробке и впрямь постоять пришлось, да еще двигались мы черепашным шагом, потому что к вечеру приморозило и утренние лужи замерзли, превратив дорогу в ледяной каток. В итоге, когда наша «шестерка» подъехала к месту условленной встречи, часы в машине показывали девятнадцать десять. Боясь опоздать, я нервничала и подъехала к площади, в центре которой одиноким верстовым столбом торчит памятник Тургеневу, не с той стороны. Припарковала машину и только тут увидела, что серебристая «девятка» стоит точно напротив нас, но через площадь.

– С этим Тургеневым у нас в Екатеринодаре вообще какая-то чертовщина! Есть и памятник писателю, и улица его имени, и даже библиотека, а ведь он в своих произведениях ни словом не упоминал наш город и сам никогда не бывал не только в Екатеринодаре, но и на юге России вообще! – в сердцах пожаловалась я Ирке.

– Ну и что? – пожала плечами подруга. – Думаешь, у нас здесь бывали Роза Люксембург или Карл Либкнехт?

– Это политики, их упоминали в коммунистических святцах независимо от географии перемещений, – уперлась я. – А я тебе про писателя говорю! Ведь несправедливо это: Маяковский, к примеру, в Екатеринодаре никак не увековечен, а ведь он и бывал здесь, и два стихотворения про наш город написал, и даже окрестил его «собачкиной столицей», потому что тут его песик укусил, а он и обиделся...

– Я тебя сама сейчас покусая, не обижайся потом! – закричала на меня Ирка. – Шевелись, копуша! Живо вылезай из машины и беги, а то «девятка» сейчас уедет!

Я торопливо заталкивала ноги в ботинки. В принципе я это делаю быстро, особенно если тороплюсь, но как раз на такой случай природой придуман элементарный закон подлости: в последний момент шнурок в правом ботинке вызывающе крякнул и оборвался.

– Ничего, так дойдешь! – осатаневшая Ирка буквально силой вытолкнула меня из машины.

Волоча ногу в спадающем ботинке, я заковыляла через площадь. Тяжелый «гриндерс» явно желал меня покинуть, и, чтобы его не потерять, я двигалась приставным шагом, словно на правой ноге у меня была лыжа. Таким манером мне удалось довольно быстро добрести почти до самого памятника, и тут подлый ботинок квадратным носком въехал в отверстие водостока и там застрял. Дернув ногу, я выпрыгнула из «гриндерса», заодно выбросив далеко вперед свой норовистый башмак, со свистом умчавшийся по льду в сторону памятника. Бум! Мой «гриндерс» и гранитный Тургенев встретились.

Я застыла, как цапля, не решаясь опустить ступню в тонком носке на обледеневшую брусчатку.

В этот момент буквально в паре метров от меня кто-то хрипло засмеялся. Я вздрогнула: вроде на проклятой площади только я да каменный Тургенев! Это он, что ли, надо мной хохочет?!

– Ну, ты и влипла, подруга! – визгливым женским голосом насмешливо сказал памятник.

Слегка удивившись тому, что корифей русской словесности изъясняется на жаргоне, я испуганно вперилась в темноту и через несколько секунд с трудом различила у подножия

скульптуры некий бесформенный куль. Очередной прокативший мимо автомобиль на миг высветил фарами простоволосую бабу в облезлом тулупе.

– Дашь десятку – принесу тебе твой башмак! – предложила «тургеневская барышня».

– Дам полтинник, если отнесете записку во-он в ту машину! – мгновенно приняв решение, я показала пальцем на серебристую «девятку».

Судя по габаритным огням, автомобиль должен был вот-вот отчалить. Водитель явно ждал, пока поток машин немного поредеет, чтобы вырваться со стоянки.

Холодные пальцы буквально вырвали из моих рук синенькую купюру и конверт, в который я предусмотрительно поместила свою рукотворную «липу» на хлипкой туалетной бумажке. Размахивая конвертом, баба шустро понеслась к отъезжающей машине со скоростью хорошего хоккейного нападающего. Успеет или нет? Успела! Надеюсь, теперь, получив записку, человек, назначивший мне встречу, подождет, пока следом за посыльной появлюсь и я сама, собственной персоной. Тогда и поговорим.

Не теряя времени, я на одной ноге доскакала до Тургенева, извлекла из кучки примерзших цветов у основания памятника свой блудный «гриндерс» и обулась.

И прозевала момент отъезда «девятки»! Когда разогнулась, перевела взгляд с ботинка на серебристую машину, та уже катила по средней полосе прочь от площади. А у края стоянки, привалившись плечом к бордюру тротуара, лежала «тургеневская барышня»!

В первый момент я подумала было, что она упала, поскользнувшись на замерзшей луже. В гололед случается падать даже абсолютно трезвым людям, а от дамы в тулупе, как я успела заметить, отчетливо пахло спиртным. Досадливо поморщившись, я прохромала через площадь, чтобы протянуть этой бестолковой особе руку помощи, но, склонившись над ней, сразу поняла, что помочь ей уже ничем не смогу. И никто не сможет. Воскрешение Лазаря было разовой акцией.

Во лбу простоволосой «тургеневской барышни» зияло отверстие, не предусмотренное человеческой анатомией, что бы там ни говорили сторонники идеи открытия «третьего глаза». С первого взгляда было ясно, что несчастной тетке между бровей метко всадили пулю.

Звука выстрела за шумом автомобилей никто не слышал, наверное, и пистолет был с глушителем. А может, его приняли за грохот очередной петарды, которые наши граждане закупили к празднику ящиками и методично взрывали на протяжении всех новогодних каникул. Так или иначе, на упавшую бомжиху никто не обратил внимания.

Ежесекундно спотыкаясь и теряя незашнурованный ботинок, я промчалась через площадь к нашей «шестерке», плюхнулась на водительское сиденье и испуганно посмотрела на Ирку.

– Повезло тебе с обувью, – коротко резюмировала подруга, протянув мимо меня руку, чтобы захлопнуть дверцу со стороны водителя.

При этом она придавила меня плечом, чего я даже не заметила. Не надо было быть гением, чтобы понять, кому предназначалась пуля, убившая случайную бродяжку!

– Не выбрасывай этот ботинок, повесь его в красном углу, под образами, – очень серьезно посоветовала Ирка.

– Со святыми упокой, – глухо откликнулась я на упоминание об иконах.

– Я тебе упокоюсь! – гаркнула Ирка, треснув ладонью по рулю.

Клаксон взвыл, я подпрыгнула и ударила головой о крышу кабины.

– Поехали! – заорала Ирка.

Пнув меня по ногам, так что они прыгнули в сторону и накрыли педаль сцепления, Ирка повернула ключ в замке зажигания, своей здоровой левой придавила газ, еще раз лягнула меня, освобождая сцепление, и решительно повернула руль. Очнувшись, я перехватила у нее управление и повела машину прочь, подальше от роковых тургеневских мест.

– Ты куда рулишь? – с подозрением спросила подруга минут через пять.

Я уже взяла себя в руки и вновь обрела способность соображать.

– К себе, – коротко ответила я. – Нужно зайти домой, переобуться. Не могу же я заниматься расследованием убийства в одном ботинке!

– А, значит, мы все-таки будем заниматься расследованием убийства, – кивнула Ирка.

В голосе ее слышалась смесь удовлетворения и опаски.

– Конечно, а как ты думала?

На мой взгляд, логика событий выстраивалась четко. Записка в банке попала в мои руки случайно, но звонок по начертанному помадой телефонному номеру я сделала уже совершенно сознательно, по причине, которую сочтет уважительной любая женщина: из чистого любопытства! На встречу с человеком, назначившим мне свидание у памятника Тургеневу, я пошла опять же только из чистого и бескорыстного интереса, но когда вместо меня на «стрелке» убили другую женщину, я ощутила потребность всерьез разобраться в происходящем. Если кто-то хотел меня убить, должна же я узнать, за что?! Хотя бы на тот случай, если убийца узнает о своей ошибке и вернется, чтобы пристукнуть уже не чужую тетю, а именно меня? Нетушки, я еще хочу пожить, поэтому найду негодяя раньше, чем он меня. Отыщу его и сдам куда надо.

Промелькнувшую на задворках сознания мысль о том, что можно было бы прямо сейчас обратиться за помощью «куда надо», я прихлопнула на лету, как докучливого комара. При всем моем уважении к нашим доблестным правоохранительным органам нельзя не понимать, что у них нет возможности защитить всех, кому грозит опасность. Потом-то моего убийцу, наверное, поймут, но мне хотелось бы увидеть торжество правосудия еще при жизни!

– Совесть не позволит мне оставить на свободе негодяя, который убил вместо меня ни в чем не повинную женщину! – выдала я краткую версию своих раздумий Ирке.

– Вообще-то как раз за это его можно было бы и поблагодарить! – рассудительно заметила подруга. – Не за то, что убил, а за то, что перепутал жертвы!

Я промолчала, и через несколько минут мы подъехали к моему дому.

– Сиди здесь, я скоро, – сказала я, забыв, что гипсоногая Ирка никуда не сможет убежать.

Нащупывая в кармане ключи, я заковыляла вверх по лестнице. Мы живем на втором этаже, но проклятый ботинок настолько осложнил подъем, словно я взбиралась на Эверест. Невольно мне припомнились Ирка и Моржик, взлетевшие на свою роковую горную вершину на подъемнике. Жаль, в трехэтажном доме нет лифта...

Вздыхая и охая, как столетняя бабка, я повернула с площадки между этажами на финишный участок лестницы и увидела, что у моей двери топчется крепкий парень в короткой дубленке и вязаной шапочке. Испуганная всем, что произошло за сегодняшний вечер, я опасливо отступила назад, промахнулась ногой мимо ступеньки и грохнулась на площадку.

– Ленка! – подозрительный тип в два прыжка слетел ко мне. – Что случилось? На тебя напали?!

– Привет, Серый!

Приложив руку сначала к сильно бьющемуся сердцу, а потом к ушибленной заднице, я поздоровалась с нашим добрым приятелем, капитаном Сергеем Лазарчуком, попутно удивляясь его проницательности. Как, ну как он догадался, что на меня напали?! Хотя, строго говоря, напали не на меня, а на чужую тетку!

– Почему ты решил, что на меня напали? И кто, по-твоему, мог на меня напасть?

Ответа я ждала с интересом. Вдруг приятель сейчас скажет что-нибудь вроде: «А напал на тебя, девица, лиходеи в серебристой «девятке», и зовут его так-то и так-то, а живет он там-то...» Ох и зауважала бы я после этого профессиональных сыщиков!

Но Серый сказал совсем другое:

– Думаешь, почему я к вам зашел? Был в этих краях по делу. Похоже, завелся в вашем районе маньяк, нападающий на одиноких женщин.

– Правда? – Я вцепилась в перила, намереваясь продолжить подъем. – Помоги мне, пожалуйста! Я сегодня в плохой форме.

– Я заметил. – Серега буквально втащил меня вверх по лестнице. – Ты вся в снегу, в грязи и вдобавок хромаешь! Потому-то я и подумал, что ты тоже стала жертвой этого маньяка.

– А кто еще стал? – поинтересовалась я, отпирая дверь. – Проходи, пожалуйста... Правда, я не могу задерживаться, меня внизу в машине ждет Ирка, так что гостеприимной хозяйки из меня на сей раз не выйдет. Да и есть у меня в доме нечего...

– Неважно. Я просто так зашел, на всякий случай...

– Тогда подожди, пока я переобуюсь, и расскажи про маньяка. Кто такой, чего ему надо?

– Кто такой – пока не знаю, но маньячит страшно активно! Только утром в подъезде соседнего дома напал на тетку-дачницу, а уже после обеда нашел себе новую жертву! И где? В десяти метрах от места первого преступления! Подошел сзади, ударил по голове, вывернул карманы, выпотрошил сумку, ничего не взял и смылся!

Тут я вспомнила рассказ разговорчивой старушки про какую-то агрономшу, убитую в «сквознячке».

– Эта вторая жертва, она тоже умерла?!

– Вторая жива, умерла только первая, да и то, похоже, по чистой случайности: потеряв сознание от удара, неудачно ударилась виском о ступеньку. Стоп! А ты откуда знаешь про первую жертву?! – Серега уставился на меня с нескрываемым подозрением.

– Люди говорят!

За разговором с капитаном я переобулась в сапоги, и мы вместе вышли на улицу.

– Наконец-то! – закричала забытая в машине Ирка. – Я уж подумала, не случилось ли с тобой еще чего! Если бы не проклятый гипс, давно поднялась бы в квартиру!

– Оп-ля! Еще одна хромоножка! – развеселился Лазарчук при виде Ирки в образе Бабы-Яги – гипсовой ноги. – Где это вы обезножили, девочки?

– Кто где, – с достоинством ответила Ирка. – Я лично – на «Красной поляне». Немного неудачно спустилась с горной вершины.

– Неудачно, но зато эффектно! – хихикнула я.

– А некоторые, – тут Ирка демонстративно посмотрела на меня, – некоторые умудрились охрометь на ровном месте, в центре города, на площади...

– На площади в один квадратный метр! – я поспешила перебить Ирку, чтобы она в запале не назвала капитану Тургеневскую площадь.

Лазарчук, конечно, нам друг, но также и сыщик, а это значит, что он обязательно сопоставит убийство у памятника с моими приключениями. Вполне может что-нибудь заподозрить, тем более что мне уже случалось впутываться в криминальные истории. Пару раз. В смысле раз пять-шесть. Или семь-десять... В общем, если мы сейчас проболтаемся, Серега, скорее всего, прицепится к нам как репей. А я очень не люблю, когда кто-то путается у меня под ногами.

– Тебя подвезти? – спросила я капитана, садясь за руль.

– Спасибо, не надо. – Сыщик помахал нам ручкой и проводил отъезжающую «шестерку» задумчивым взглядом. Слишком задумчивым, я бы сказала.

– Итак, подведем итоги. Мы не встретились с «телефонным» типом и ничего не узнали. Зато он получил от нас записку и убил ни в чем не повинную бомжиху. Надеюсь, на сегодня это все?

Ирка произнесла свои слова таким тоном, словно это я втянула ее в опасную историю.

– Опять ты втянула меня в опасную историю! – пожаловалась она, приняв телепатический сигнал.

– Я тебя втянула? Я – тебя?! – изумилась я. – А кто кричал: «Давай, звони по номеру с туалетной бумажки!» Кто подсказывал мне idiotские тексты, из-за которых тот тип вполне мог подумать, будто ему на хвост сели настоящие сыщики? Да если бы его не напугало упоминание

о прокуроре, он, может, и не подумал бы никого убивать! И уж точно он не подумал бы убивать меня, потому что я не поехала бы на встречу с незнакомым человеком, если бы ты не ныла у меня над ухом: «Ах, я так хочу приключений! Ах, как пресно и скучно мне живется!»

Ирка промолчала, и мы без разговоров вернулись в Пионерский микрорайон. Хлопнули по рюмашке за упокой души незнакомой нам бомжихи и в самом тоскливом настроении разошлись по комнатам – спать.

Глава 4

Утром я ушла на работу, не дождавшись Иркиного пробуждения. На душе после вчерашнего кошки скребли, меня мучило чувство вины: что ни говори, а не объявись на Тургеневской площади мы с Ирккой и с проклятой запиской на пипифаксе, та тетка в тулупе, имени которой я не знаю и, вероятно, никогда уже не узнаю, была бы сейчас жива-живехонька!

В тоске и печали сидела я в гостевом кресле, сверля взглядом цветную картинку над столом у противоположной стены. Это рабочее место нашего внештатного психолога, по совместительству – рекламного агента Пети Дашкова. Это он прилепил на обои рукотворный плакат с цитатой из бессмертного отечественного мультфильма про Винни-Пуха: «Что значит – «Я»? «Я» бывают разные!» Если помните, этот афоризм произнес Кролик. Хотя нельзя исключать возможности того, что ушлый зверек элементарно слямзил глубокомысленное изречение у Фрейда или Ницше.

Смотрела я на большую прописную букву «Я», смотрела – и в какой-то момент поняла, что не успокоюсь, пока не узнаю, кто такая эта Яна Лори, одно упоминание имени которой опасно для жизни.

И я позвонила в справочную службу.

– Яна Лори – и это все? Отчество, год рождения не знаете? – переспросила меня приятная женщина, которой я вдохновенно наврала про какое-то страшно важное журналистское расследование.

Отказать мне напрямую сотрудница Горсправки не могла, потому что наша телекомпания регулярно размещает рекламу платной справочной службы, при необходимости получая взамен информационную поддержку. Я прикрылась служебным положением без зазрения совести. Как говорил в одном из своих монологов Жванецкий, «кто что охраняет – то и имеет»!

Однако «поиметь» мне ничего не удалось. Яны Лори в архивах Горсправки не было. Более того, там вообще не было никаких Лори. Другими словами, эта гражданка не была прописана в нашем городе, не имела в нем ни постоянной, ни временной регистрации. Если в Екатеринодаре и существовала какая-то Яна Лори, она пребывала в столице Кубани нелегально. И никаких родных у нее тут не было.

– Ленка! Я придумала! Надо найти эту самую Яну Лори и как следует потрясти ее за шкуру! – позвонив на студию ближе к полудню, сообщила мне результаты своих ночных раздумий пробудившаяся Ирка.

Я поспешила умерить ее энтузиазм, пересказав свою беседу с милой женщиной из Горсправки.

– Что, вообще ни одной Лори? Ни единой? Вот ведь какое свинство, – огорчилась Ирка. Она немного помолчала и заметила с укором, который я сочла необоснованным:

– А с чего ты вообще решила, что эта Яна Лори должна жить в Екатеринодаре?

– Шестизначные телефонные номера на Кубани только в Екатеринодаре, – коротко ответила я.

Ирка опять помолчала и снова что-то придумала:

– А на другой стороне?

– На другой стороне чего? – не поняла я.

– Ну, моря? Банка-то приплыла к берегу со стороны моря, правильно? Может, ее бросили не у наших берегов, а еще в Турции?

– Ира! Это была майонезная банка, а не Ноев ковчег! Она не переплыла бы через море!

– Ты уверена? – подруга расстроилась. – Слушай, а какой майонез был в банке?

– Какая разница? Я не знаю, этикетки не было... На крышечке, кажется, было изображение оливковой веточки...

– Оливки! – непонятно чему обрадовалась подруга. – Оливки – это Италия! Заметь, как похоже звучит: Гуччи, Версаче, Лори! Может, банка из Италии приплыла?

– Через два моря?!

– Почему – два?

– Черное и еще Средиземное! – я рассердилась. – Это как минимум, можно еще и Адриатическое прибавить... Ирка, не пори чушь! Записку написали кириллицей, стало быть, скорее всего, на русском языке.

– А цифры были арабские, – уперлась Ирка.

– Ну, уж из Аравии это послание точно морем не дошло бы! Кроме того, напомню тебе, что мы вчера уже звонили по номеру, указанному в писульке! В нашем Екатеринодаре звонили! И, судя по всему, попали по нужному адресу, потому что тип, который подошел к телефону, явно замешан в каких-то темных делишках с этой самой Яной Лори. Иначе с чего бы ему было убивать подательницу записки?

– Логично, – задумчиво сказала Ирка. – Ой!

– Не пугай меня, пожалуйста, – попросила я. – Давай без «ой»! Говори, что еще надумала?

– Ленусик, а что, если Лори – это не фамилия? – с ускорением затарахтела подруга. – Знаешь, ведь это имя очень похоже на артистический псевдоним! Может, эта девка – певчиха или актрисулька и по паспорту зовут ее Маня Перебейнос или Зюля Худайбердыева, а она назвалась красивым именем Яна Лори – и все дела!

– А вот это мысль, – признала я.

– Мысль – следовательно, существую, – похвасталась Ирка.

– Существуй дальше, – велела я. – С телефона слезь, я попробую покопать в этом направлении.

– Счастливой охоты, Каа! – загробным голосом пожелала мне воспрянувшая духом подруга. – Позвони мне, если что-нибудь узнаешь!

Удивительно, но мне и впрямь удалось кое-что узнать, хотя и не очень быстро. Правда, свободного времени у меня было навалом, и я без сожаления потратила почти два часа, обзванивая один за другим городские театры. Драматический, два музыкальных, молодежный, детский, учебный при Академии культуры... Я даже в кукольный театр позвонила, но Яны Лори нигде не нашла. Вообще никаких Лори!

Искренне желая помочь милой журналистке (когда я хочу, я могу быть милой!), некоторые из моих собеседников предлагали мне что-нибудь «лориобразное». Так, в оперетте нашлась статистка Яна Ломова, в молодежном – электрик Яша Ларин, а в драме – пожилая гримерша Лора Гарибян. Я так и сяк повертела эти ФИО, особенно внимательно отнесясь к Гарибян Лоре: может, наша записка изначально была на двух обрывках туалетной бумаги и «Гариб» осталось на одной бумажке, а «Ян Лора» – на другой? А потом первая бумажка затерялась... Увы, версия казалась крайне маловероятной, и я с сожалением вычеркнула пятидесятилетнюю заслуженную труженицу кисти и гримировального карандаша из списка. Собственно, и списка как такового у меня не было.

Тогда я решила расширить круг поисков и с этой целью позвонила знакомому антрепренеру Семе Лячину. Он последние несколько лет оптом и в розницу поставлял на кубанские сцены и концертные площадки звезд и звездочек российского масштаба.

– Не знаю такой, не слышал, – сразу сказал Сема, замордованный организацией очередных гастролей.

Популярный певец, которого он подрядился привезти для выступления в Екатеринодаре, Анапе и Сочи, требовал на завтрак перепелиные яйца «в мешочек» и свежие авокадо. Яйца Сема добыл, с мешочками тоже проблем не было, а насчет авокадо кубанский импресарио сомневался, можно ли считать свежими плоды, приплавшие из-за моря и как следует вылежавшиеся в овощехранилище?

– Как вообще они могут жрать эту гадость? Бомонд хренов! – возмущался Лячин, лично продегустировавший с полдюжины экзотических плодов. – На вкус – груша, вымоченная в одеколоне, только с костью в пол-ладони и в шкуре, как у носорога!

– Сема, не майся, – посоветовала я. – В супермаркете продается замороженная смесь экзотических фруктов кусочками. «Экзотик-микс» называется. Купишь один пакет, разморозишь, шмякнешь горсточку в хрустальную вазочку, воткнешь туда серебряную ложечку – и полный бомонд! Все равно твой певец не стал бы есть авокадо в натуральном виде!

– Слушай, отличная мысль! – развеселился Сема. И, очевидно, почувствовал необходимость отблагодарить меня за добрый совет. – А насчет твоей Яны... как ее там? Да, Лори! Мне, честно говоря, некогда самому разбираться, поэтому я пришлю тебе своих клиентов списком. По электронке. Только ты не пугайся, это будут прайсы четырех самых крупных концертных агентств России, листов двадцать макулатуры, не меньше. Да! И пообещай мне, что никому не расскажешь, за кого сколько просят! Гонорары исполнителей – это коммерческая тайна!

Обещанный список я получила минут через тридцать: у нас в телекомпании очень медленный Интернет. Список представлял собой бесконечный, как мексиканский сериал, столбик фамилий, имен и даже, кажется, кличек, против которых были проставлены цифры. В перечне нашлись Лара Ян, некто Лора и Лорка – в одно слово, еще Ян Лоран и Яак Лорие – даже не знаю, кто это, женщина или мужчина. На искомую Яну Лори по-настоящему не походил никто.

Я почесала в затылке, выпила кофе, съела шоколадку – и где-то на второй трети плитки меня буквально осенило! Не зря говорят, что сладкое стимулирует умственную деятельность! Я вдруг подумала: а не позвонить ли мне в цирк? Циркачи ведь тоже берут себе псевдонимы!

Идея оказалась гениальной. Я позвонила директору цирка, через тридцать секунд была переключена на отдел кадров, потом – на директора по гастролям, и именно этот милейший человек сообщил мне, что Лори в цирке есть. Целое семейство. Прибыли из Московского цирка на Цветном бульваре. Имеется ли среди них особь женского пола по имени Яна, милейший человек не знал, но это я готова была выяснить самолично, если мне будет предоставлена возможность увидаться с господами Лори.

– Ближайшее представление послезавтра в полдень, приходите, – любезно предложил милейший директор.

Ждать до послезавтра я не могла, мне не терпелось увидеть Яну как можно скорее, поэтому мы договорились, что через час на проходной цирка меня будет ждать человек, который представит меня семейству Лори.

Только я положила трубку, как телефон зазвонил.

– Ты что-нибудь узнала или нет? – накинулась на меня Ирка.

– Или да, – коротко ответила я.

И не удержалась от удивления:

– Как вовремя ты позвонила! Просто телепатка!

– Конечно, телепатка! – согласилась подруга. – Видела бы ты, как меня тут всю телепает от нетерпения! Так хочется что-нибудь узнать, а ты все не звонишь и не звонишь!

– Зато я позвонила дюжине других людей, – устало отбилась я. – Короче, слушай: как раз сейчас в городе гастролирует цирковая семья Лори. Они тут проездом, на следующей неделе закончат выступления и умотают дальше. Я прямо сейчас еду в цирк.

– А я?! – закричала Ирка.

– А ты сиди на диване, лелей увечный голеностоп!

Не слушая возмущенных воплей подруги, я положила трубку. Пусть Ирка обижается, но мне сейчас решительно некогда ехать за ней в отдаленный Пионерский микрорайон и потом через весь город в час пик катить в цирк!

Мне так не терпелось поскорее добраться до Лори, что я раскошелилась на такси и подката к проходной цирка на полчаса раньше назначенного срока. Поэтому никто меня там

не ждал, обещанный мне гастрольным директором сопровождающий еще не подошел. Прегравивший мне вход малосимпатичный дядька с сигаретой абсолютно безразлично выслушал сбивчивый рассказ о необходимости как можно скорее поведать миру о замечательной цирковой династии Лори.

– Пропуск есть? – скучно поинтересовался страж, даже не заглянув в мое журналистское удостоверение.

Я с ненавистью посмотрела на этого типа и достала кошелек. Теперь понимаю, почему хорошие частные сыщики в детективах всегда берут с клиентов наличные на расходы: с этими расследованиями денег не напасешься! То такси, то взятки...

– Пятидесяти рублей вам хватит? – звенящим от возмущения голосом спросила я.

– Заходи, только быстро!

Воровато оглядевшись, дядька схватил полтинник, посторонился и пропихнул меня в узкую дверь, которая за мной мгновенно захлопнулась, и я осталась в длинном пустом коридоре, скудно освещенном тусклыми лампами. Куда мне идти, я не знала, но коридор вел только прямо, ни ответвлений, ни указателей я не заметила. Несколько удивило меня то, что я никого не встретила, мне всегда казалось, что цирк – на редкость оживленное место, шумное и многолюдное. Очевидно, я ошибалась. Хотя, возможно, сегодня у всех циркачей выходной? Сказал же мне душка-директор, что ближайшее представление только послезавтра...

Хотя нет, впереди, за дверью, слышатся музыка и громкие голоса...

Я подошла к широкой, почти квадратной двери в две створки. Правая была прикрыта, и на ней виднелось написанное красным слово «выход». Я заглянула внутрь и увидела тяжелую бархатную портьеру, из-за которой вдруг донесся взрыв таких ругательств, что я инстинктивно прикрыла створку. Обе половинки двери сошлись, и я прочитала получившееся словосочетание: «Звериный выход».

– Что значит «звериный выход»? – обиженно произнесла я. – Это кто вам тут зверь? Я, что ли?

Словно в ответ на мои слова, за дверью кто-то страшно зарычал. Кто-то очень большой и опасный, вроде льва или тигра. Кто-то, для кого в цирке организовали специальный звериный выход!

– Караул! – шепотом воскликнула я и развернулась, чтобы бежать.

Думаю, никогда прежде звериный выход не видел никого, кто перемещался бы с такой скоростью! Полагаю, на этой короткой дистанции я обставила бы даже испуганную антилопу.

– Куда несешься, коза?! – закричала на меня тетка с ведром и метлой, которую я едва не сбила, вылетев на улицу.

Дядька с сигаретой исчез. С запозданием до меня дошло, что он не был сторожем или вахтером, как звериный выход не был нужным мне служебным входом. Вот жулик, выманил у бедной женщины полтинник и отправил ее на растерзание львам!

– Где служебный вход? – тяжело дыша, спросила я уборщицу.

– За углом, у турникета.

– У турникета, – повторила я, шагая в указанном направлении.

Посмотрела на часы: надо же, приду точно в назначенный час! Очень удачно скоротала лишних тридцать минут...

Обещанный мне директором сопровождающий оказался худенькой женщиной неопределенного возраста. У нее была фигура подростка и лицо старушки. Я подумала, что это, наверное, бывшая циркачка, какая-нибудь вольтижерка на трапеции.

– Проведите меня, пожалуйста, к Лори, – попросила я.

Девочка-старушка кивнула и повела меня по бесконечным коридорам циркового закулисья. Мысленно я поблагодарила милейшего директора: самостоятельно, без провожатого я бы тут ничего не нашла. Разве что звериный выход. В один конец.

Поплутав по коридорам, мы затормозили у обшарпанной фанерной двери. Моя сопровождающая громко постучала кулачком в филенку, за щелястой дверью что-то упало, кто-то завизжал, грохнула хлопушка, и женский голос произнес:

– Войдите!

Моя молчаливая спутница посторонилась, пропуская меня вперед. Я толкнула дверь и вошла в маленькую комнату, заставленную разномастной старой мебелью: кресла, диван, табуретки, трюмо, платяной шкаф – все старомодное и обшарпанное. На горбатом диване горой лежали какие-то пестрые тряпки, поблескивающие нашитыми на ткань стразами и бусинами, на полу валялись оклеенные серебряной бумагой обручи, какие-то палки с бахромой, большие разноцветные кубики и мячи. На табуретке у древнего трюмо с тусклым стеклом сидела женщина в парчовом купальнике и шерстяных гетрах. Ее пышные белокурые волосы были небрежно собраны в хвост. В одной руке блондинка держала дымящуюся паром фаянсовую чашку, а в другой – банан. Из чашки омерзительно пахло пакетным супом моментального приготовления. Банан был очищен, и от него как раз в этот момент жадно откусывала маленькая обезьянка в алой шелковой юбочке. На диване рядом сидела еще пара приматов, один из которых – в шортах и цилиндре с блестками – сосредоточенно ел большое зеленое яблоко, а другой – в штанишках на подтяжках и галстук-бабочке – размеренно колотил первого по шляпе банановой кожурой.

– Здравствуйте, – растерянно сказала я. – Вы Яна?

В комнате кто-то оживленно залопотал, и из угла выкатилась незамеченная мной ранее деревянная лошадка на колесиках. На ней восседала лупоглазая девочка лет четырех, похожая разом и на блондинку у трюмо, и на обезьянку в юбочке.

– Или это ты – Яна? – спросила я, склоняясь над малышкой.

– Уди! Как дам болно! – пригрозила мне малышка, замахиваясь плюшевым зайцем.

Со шкафа прямо мне под ноги спрыгнула мартышка в клетчатых штанах на помочах.

– Все, все, я никого не трогаю! – я отступила к двери.

– Она Катя, а я Соня, – спокойно сказала блондинка.

– Я с телевидения, журналистка, меня Леной зовут, – представилась я. – Я ищу Лори. Это вы?

– Мы, – рукой с зажатой в ней кружкой Соня очертила полукруг.

– Соня и Катя Лори? – уточнила я.

– Соня и Катя Устищенко.

– А кто же Яна? – я никак не могла разобраться, в чем тут дело.

Где, черт побери, обещанные мне Лори?!

– Яночка, поклонись тете! – попросила Соня, звучно отхлебнув из кружки.

Мартышка в юбочке довольно ловко сделала книксен.

Я привалилась плечом к косяку и вытерла рукавом выступивший на лбу пот.

– Яна Лори – обезьянка?!

– Все они обезьянки, – философски заметила циркачка. – Лори – это такая порода маленьких мартышек.

– Ага, – тупо сказала я, глядя на хвостатую Яну. – А других Лори у вас нет? Без хвоста? Тогда у меня все. Извините за беспокойство. Я пошла.

– Да пасла ты! – сердитая девочка на лошадке снова замахнулась на меня зайцем.

Обезьяны заволновались. Та, которая в галстук, неприцельно швырнула в меня банановую кожуру. Я отступила в коридор и плотно прикрыла за собой дверь. Безошибочно – удивительное дело! – нашла дорогу назад, вышла из цирка и поехала к Ирке.

Троллейбус неспешно катил по улицам, а я сидела, уставившись в грязное стекло окошка, и думала. Итак, что же мы имеем? Я искала Яну Лори, а нашла лори Яну. Мартышку, которая вряд ли пользуется губной помадой и уж точно не умеет писать печатными буквами телефон-

ные номера. Она, наверное, и майонеза не ест, и в море не плавает. Другими словами, что-то не видно, чтобы обезьянка имела какое-то отношение к записке на туалетной бумаге. Похоже, поиски Яны Лори зашли в тупик, с этой стороны я на убийцу не выйду. Так как же мне его найти?

Неожиданно мне пришло в голову, что убийца, если у него аппарат с определителем номера, скорее разыщет нас сам и расправится «в своем стиле».

Думая об этом, я едва не проехала свою остановку. Вышла из троллейбуса, и тут затре-звонил мой мобильник.

– Да? – несколько раздраженно отозвалась я, недовольная тем, что меня потревожили в момент напряженных раздумий.

– Ленка! – донесся до меня приглушенный уличными шумами голос Ирки. – Скорее, помоги мне!

Этот призыв о помощи, произнесенный самым жалобным голосом, настолько соответствовал моим мыслям, что мое сердце от страха сжалось в маленький комочек. Как я и думала, злодей нашел Иркин дом! А там сейчас подруга одна, беззащитная и беспомощная!

– Что случилось?! – заорала я в трубку, распугивая прохожих. – Говори громче, здесь шумно, я плохо тебя слышу!

– Не могу громче! – в голосе подруги слышалось настоящее отчаяние. – Скорее, Ленусик, скорее, пока не все пропало! Поторопись, умоляю, одна надежда на тебя, я сама ничего не могу, руки связаны, ноги протянула!

Упоминание о протянутых ногах повергло меня в ужас. Почему Ирка говорит об этом в прошедшем времени, она же вроде еще жива, раз разговаривает со мной?!

– Я бегу! – взревела я, козликом перепрыгивая придорожную канаву, чтобы сократить себе путь до тропинки, ведущей к Иркиному дому. – Держись, я тебя сейчас спасу!

– Нет! – закричала вдруг подруга. – Нет, не надо! Стой! Прочь, зараза, убирайся вон! И связь оборвалась.

В полном недоумении я остановилась посреди глубокой лужи и вопросительно посмотрела на трубку в своей руке. Как это понимать? То она зовет меня на помощь, то гонит прочь!

А может быть, гнала Ирка не меня, а того злодея, который проник в дом? И это его, а не меня она назвала обидным словом «зараза»?

Я помчалась, чувствуя себя героем мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь», таким отважным спасателем, могучим и непобедимым бурундуком, которого любой зверь крупнее кошки проглотит и не подавится! Мысль о том, каким образом я справлюсь со злодеем, захватившим Ирку, я отгоняла на бегу, как назойливую муху. Так и мчалась по проселку, размахивая руками, как ветряная мельница!

Калитка оказалась закрытой. Наверное, убийца перелез через забор. В запале я попыталась последовать его примеру, совершенно забыв о том, что у меня есть ключи. Прыгнула на ограду, как тигр, и свалилась обратно, как мешок с мукой. Зато вспомнила про ключи!

Я открыла калитку, вошла во двор и прислушалась.

Двор был тих и темен, не слышно было даже обычной собачьей возни в вольере. Боже, неужели злодей умертвил собаку?! На мои глаза навернулись слезы, но я мужественно шмыгнула носом и осторожно двинулась к дому, стараясь не производить шума.

Конечно, если судить по голливудским фильмам, мне следовало не красться под покровом ночи, а идти напролом. Ворваться в дом с ножом в зубах и пистолетами в каждой руке, одним ударом выбив дверь, которая, в идеале, должна была свалиться непосредственно на потрясенного злодея. Ступив ногой на ребра оглушенного мерзавца, я приняла бы в свои объятия плачущую от счастья Ирку.

Я потрясла головой, отгоняя видение. Голливудский сценарий в данном случае был абсолютно неприменим, потому как ни ножа, ни пистолетов у меня не было, а стальную дверь я

могу одолеть только в компании пары слесарей или опытного «медвежатника». Поэтому я внимательно посмотрела на дом, пытаюсь определить, где находится подруга. Слабый свет горел только в одном окне первого этажа. Я вспомнила расположение комнат и сообразила, что освещена гостиная.

Иркин дом – трехэтажный, два этажа жилые, а в цокольном находится гараж и кладовая. Окна первого этажа расположены в двух метрах над землей, и заглянуть в них просто так, без лестницы, смог бы только дядя Степа. Я не такая высокая, зато сообразительная!

Крадучись, я обошла дом, поднялась на высокое парадное крыльцо, скинула куртку, чтобы не мешала, и ступила на цоколь, выступающий вперед сантиметров на десять. Если плотно прижаться всем телом к кирпичной стене и держаться руками за подоконники, можно проползти по всему периметру дома, хотя мне достаточно повернуть за угол... вот так... и добраться до освещенного окна! Получилось!

Как хорошо, что Ирка не задернула шторы, тогда бы я ничего не увидела! А так, если подняться на цыпочки, вытянуть шею и заглянуть поверх подоконника, будет видна большая часть комнаты...

Сгорая от нетерпения и тревоги, я осмотрела доступную взору часть помещения. Легче мне не стало!

Сразу было видно, что в комнате происходила какая-то борьба. На это указывали перевернутый журнальный столик и настольная лампа, валяющаяся на ковре. Удивительно, что она не разбилась! Зато разбилось что-то другое, вроде вазы или бутылки: довольно крупный осколок посверкивал под самой лампой.

Я влипла носом в стекло, пытаюсь расширить поле зрения, и увидела перед пустым креслом мягкий табурет, на котором покоился массивный гипсовый башмак. Вроде бы не сам по себе покоился, по-прежнему украшал Иркину ногу, но мне загипсованная конечность видна была только ниже колена. Все прочее, включая, как я надеялась, и остальное тело, темной грудой неподвижно лежало в углу. Самые страшные мои подозрения подтверждались! При мысли о том, что моя лучшая подруга убита, я содрогнулась, сорвалась с карниза и, ломая ногти о кирпичи, свалилась вниз, на трехлетнюю голубую ель, собственноручно посаженную Моржом.

Колючие еловые ветви оказались достаточно упругими, и я ничего не сломала. То есть себе не сломала. Елка-то пару открытых переломов все-таки получила!

Не обращая внимания на боль от ушибов и ссадин, я бегом обогнула дом и птицей взлетела на крыльцо, прямо в открытую дверь, схватила на веранде саперную лопатку, которой Моржик окапывает пальмы и фикусы в кадках, и с угрожающе занесенным шанцевым инструментом ворвалась в гостиную. Сразу включила верхний свет и волчком завертелась на месте в поисках затаившегося врага.

– Ну, наконец-то! – сердито сказала Ирка, кверху пузом валяющаяся под батареей. – Развяжи меня!

Руки, плечи и даже шею подруги затейливо опутывал бельевой шнур. Петли не показались мне тугими, но выбраться из тенет самостоятельно Ирка не могла, потому что два-три витка шнура пришлись под подбородком и при неосторожном движении грозили задушить пленницу.

– Замри! – велела я, опуская лопатку пониже и прицеливаясь.

Аккуратно перепилила шнур в трех местах и распутала вздыхающую и охающую Ирку.

– Помолчи-ка, – попросила я слишком громко стонающую подругу. – За тобой ничего не слышно... Где он? Где этот злодей?

– А я почему знаю? – сердито буркнула Ирка, двумя руками осторожно снимая с табуретки ногу в гипсе. – Схватил мой сотовый и дал деру! Ты не встретила его во дворе? Значит, сидит где-то в доме, дрянь такая!

Я помогла ей встать и тут увидела на светлом ковре подозрительное темное пятнышко. Присела, чтобы его рассмотреть, и ахнула:

– Ирка, это кровь! Ты ранена?

И тут же у самого края ковра заметила стальную спицу с окровавленным концом.

– Или это ты его ранила?!

Я посмотрела на подругу с ужасом и восхищением. Надо же, какая женщина! Больная, беспомощная, она вступает в единоборство с бандитом, обороняясь от него вязальной спицей!

– Да ты что, спятила?! – Ирка посмотрела на меня как на ненормальную. – Чтобы я заколола живое существо?! Да никогда в жизни! За кого ты меня принимаешь?!

– Это, конечно, очень гуманно, – сказала я немного удивленно. – Но при всем моем уважении к твоему благородству одобрить непротивление злу насилием я не могу.

– Можно подумать, ты бы его убила, да? Или просто треснула по башке чем-нибудь тяжелым? – Ирка посмотрела на меня с вызовом и повысила голос. – Томка! Том, иди сюда! Ко мне, Том!

В ответ где-то в глубине дома послышался шум, и на зов прискакал пес. Морда его была испачкана чем-то белым, а из пасти свисала короткая веревочка.

– Давай, действуй, а я посмотрю, как ты будешь его наказывать! – сказала Ирка. – Кстати говоря, поводов для воспитательной беседы с применением ремня явно прибавилось. Судя по всему, эта зараза залезла в кладовку и сожрала как минимум палку колбасы – видишь, шпагат из пасти торчит. И еще он сунул свою грязную морду в мешок с мукой!

При упоминании слова «зараза» в моем смятенном мозгу что-то стало проясняться.

– Ира, прошу тебя, ответь мне только на один вопрос, – попросила я. – В доме есть посторонние?!

– Вот он и есть посторонний! – подруга обвиняющим жестом ткнула в радостного пса. – Ему место во дворе, в персональном вольере! Но кое-кто...

Тут она грозно посмотрела на меня.

– Кое-кто, уходя утром на работу, забыл плотно прикрыть входную дверь! И эта зараза, этот, не побоюсь такого слова, сукин сын, соскучившись и проголодавшись, вломился в дом и учинил в нем настоящий погром!

Я внимательно посмотрела на Томку, но решила отложить воспитательную работу до тех пор, пока не разберусь толком, что тут произошло. Убийц и бандитов в доме в данный момент нет, это я уяснила. Уже хорошо.

Я подняла и поставила на ножки перевернутое кресло, опустилась в него и, жестом пригласив Ирку присесть на диван, почти спокойно попросила:

– А теперь с самого начала, и поподробнее. Почему ты лежала на полу, кто тебя связал, чья кровь на вязальной спице, и зачем, черт побери, ты орала мне в трубку: «Ах, Леночка, спаси-помоги!»

Из Иркиного сбивчивого рассказа выяснилось следующее.

Благословив меня на поиски Яны Лори в цирке, подруга не находила себе места. Хотя нет, не так. Как раз место-то у нее было – удобное кресло с поставленным перед ним мягким табуретом: на табурете покоилась загипсованная нога. Но не было у Ирки занятия, достаточно увлекательного, чтобы заставить ее на время позабыть о всяких-разных Лори. С учетом того, что искомое интересное дело должно было быть спокойным, по возможности производимым в положении сидя, вариантов развлечь себя у Ирки было мало. Читать книжку, смотреть телевизор и просто плевать в потолок она уже пробовала – не помогло.

Как следует пораскинув мозгами, Ирка нашла, как ей показалось, хорошее решение проблемы свободного времени в условиях ограниченной подвижности. Она решила научиться вязать. Ей давно хотелось освоить этот процесс, а тут как раз такой прекрасный случай пред-

ставился. Предвкушая, как она торжественно презентует любимому супругу собственноручно связанные шерстяные носки, Ирка вооружилась «Энциклопедией домашней хозяйки».

Вязальные спицы у нее имелись, они вместе с иголками, крючками, коклюшками и пальцами были в сувенирном наборе «Сударушка», в незапамятные времена подаренном Ирке родной бабушкой, ныне покойной. Пряжи, правда, у подружки не было, но начинающая вязальщица решила, что ее прекрасно заменит бельевой шнур. Подходящий моток, как она помнила, лежал в ящике кухонного шкафчика.

Поглядывая в книжку, раскрытую на странице «Вяжем спицами. Урок первый», и напевая что-то вроде «Три девицы под окном пряли поздно вечерком», рукодельница довольно быстро научилась набирать петли и самонадеянно решила перейти к уроку номер два – «Лицевая гладь». С лицевой гладью у нее не вышло. С непривычки Ирка слишком сильно затягивала петли, так что тугой бельевой шнур постепенно образовал полотно, по плотности сравнимое с боевой кольчугой древнерусского витязя. Напевать мастерица давно перестала, начала материться, но волшебные слова не помогали. В какой-то момент, в попытке просунуть спицу в очередную мертвую петлю, Ирка больно уколола палец и от боли и обиды разревелась.

На крики со двора прибежал встревоженный Томка. Пробежав через кухню мимо лежащего на разделочной доске куска полумороженной говядины, что, несомненно, свидетельствовало о его волнении, пес сунулся к рыдающей Ирке и попытался по-своему ее утешить. Подруге присутствие в доме собаки не понравилось, и она попыталась выгнать Томку во двор. Пес выгоняться не пожелал и живо заинтересовался Иркиным рукоделием. Они с подружкой немного поиграли в перетягивание каната и «А ну-ка, отними!», в результате чего Ирка окончательно запутала свое вязанье и сама запуталась в шнуре, как Муха-цокотуха в сетях злого Паука.

– Так закончился первый акт Марлезонского балета, – сказала подруга. – Второй начался, когда я потянулась к телефону.

Ирка решила позвонить мне. Она дотянулась до мобильного и успела набрать мой номер, и тут Томка решил перейти к подвижным играм. Он проскакал по дивану и прыгнул на журнальный столик. Столик опрокинулся на пол вместе со стоявшими на нем лампой и хрустальной пепельницей, причем пепельница разбилась, а лампа – нет. Счастливо избежав столкновения и с лампой, и с массивной пепельницей, и с гарцующим псом, закукленная Ирка потеряла равновесие и боком свалилась с дивана на пол. Опять же очень удачно свалилась – не вся, ноги остались лежать на табурете.

– Тут мне повезло, – рассудительно заметила подруга.

Падая, телефон Ирка выронила, и мое раздраженное «Да?» услышала, уже лежа на полу. Разговаривая со мной, она пыталась дотянуться до аппарата, но не сумела, только порезала палец застрявшим в ворсе ковра осколком хрусталя и испачкала кровью вязальную спицу, которой тыкала в мобильник, надеясь его выключить. Спасти она, оказывается, призывала не столько себя саму, сколько свой телефонный счет, в котором затягивающийся до бесконечности разговор грозил пробить огромную брешь. Спас ситуацию Томка, который уволок Иркин мобильник, попутно нажав какую-то нужную кнопку.

– А дальше? – спросила я.

– А дальше ничего, – пожала плечами подруга. – Томка куда-то исчез, я осталась одна. Лежала и думала, когда же ты придешь? Честно говоря, я чувствовала себя довольно неудобно: одна, в полумраке, при открытой входной двери, практически неподвижная, лишенная связи с внешним миром... Да еще за окнами слышались какие-то подозрительные шумы...

– Это были мои шумы, – призналась я. – Я кралась по карнизу.

– Играла в Человека-паука? – съязвила Ирка.

– В Джеймса Бонда, – буркнула я. – Хотела незаметно подобраться к окну и посмотреть, что происходит внутри. Чтобы хоть немного знать обстановку, прежде чем начинать операцию по моему освобождению.

– Слушай, а почему ты вообще решила, что на меня кто-то напал? – заинтересовалась подруга. – Неужели на эту дикую мысль тебя навел один невнятный телефонный разговор?

– Два невнятных телефонных разговора, – ворчливо ответила я, поднимаясь с дивана. – Один, сегодняшний, с тобой. А второй, вчерашний, с убийцей из «девятки».

– Ты путаешь хронологию, – заметила Ирка. – С убийцей из «девятки» ты разговаривала раньше, чем со мной!

– Вот именно! Стало быть, у него было достаточно времени, чтобы узнать, где установлен телефон, с которого я ему звонила! И сегодня он уже вполне мог объявиться у тебя!

– Да зачем? Бумажку с запиской он получил, бабу, которая ее принесла, убил! Он же не знает, что это совершенно посторонняя баба! Думает, решил вопрос раз и навсегда, концы в воду!

– Хорошо, если так, – вздохнула я.

Мы наскоро ликвидировали следы погрома в гостиной и направились в кухню готовить ужин – жаркое из говядины со специями. Однако ожидавшее своего часа мясо с разделочной доски бесследно исчезло. Вместо него там появился Иркин сотовый. Без труда догадавшись, кто махнул мобильник на говядину, мы с Иркой объединили усилия и выгнали Томку во двор. Приготовили себе вегетарианское блюдо – жаркое без говядины со специями – и за ужином обсудили результаты моего похода в цирк.

– В общем, через Яну Лори нам на убийцу не выйти. – Ирка пришла к тому же мнению, что и я, еще будучи в троллейбусе.

Однако подруга не казалась расстроенной. По ее самодовольной физиономии было видно, что она что-то придумала. Что-то, что кажется ей отличной идеей.

– Выкладывай, – коротко сказала я.

– Надо найти серебристую «девятку», – постановила Ирка. – Найдем машину – найдем и водителя, то есть убийцу!

– Хорошая мысль, – тоскливо сказала я. – Просто замечательная! Одна беда: я не запомнила номера машины, а серебристых «девяток» в городе не меньше, чем рыбы в море!

– Но ведь у нашей «девятки» есть особая примета! – ликующе возвестила подруга.

Я перестала жевать и посмотрела на нее с подозрением:

– Откуда ты-то можешь знать про особые приметы этой машины? Я была в трех метрах от нее и то не заметила ничего такого «особого», а ты вообще сидела в своей «шестерке» на другой стороне площади! Каким образом ты могла увидеть что-то, чего не увидела я?

– С помощью бинокля, – скромно сказала Ирка.

– У тебя был бинокль?! Откуда?

– Как откуда? – Ирка немного удивилась. – Это наш старый бинокль, с которым мы с тобой еще на психушку войной ходили!

Действительно, среди наших с Иркой общих бурных приключений было и такое, как налет на психиатрическую лечебницу. Помнится, бинокль наряду с приставной лестницей и впрямь входил в комплект нашего спецнаряжения...

– И что же ты разглядела? – поторопила я подругу, которая явно решила выдержать паузу.

– Во-первых, кисть руки того, кто был за рулем. Это была среднего размера и волосатости мужская рука с аккуратно подстриженными ногтями, без обручального кольца.

– Извини, но эти приметы никак не тянут на особые, – критично заметила я. – Что-то еще?

– В общем-то больше ничего, – призналась Ирка. – Темно было, и баба эта спиной своей мне почти весь обзор закрывала. Но я еще разглядела игрушку под лобовым стеклом! Очень

оригинальная вещица, я таких раньше не видела: маленькая пирамидка из зеленого стекла с разноцветными огонечками! Что-то вроде новогодней елочки, украшенной лампочками.

– И что нам это даст? – я разочарованно вздохнула. – Предположим, попрошу я знакомых ребят в Краевом управлении ГИБДД поискать серебристую «девятку»... Они мне сразу скажут, что эта твоя елочка нигде не задокументирована, такие прикамбасы не нужно регистрировать, вешай себе под стекло хоть елку, хоть палку...

– А если попросить Лазарчука? – предложила подруга. – Не в службу, а в дружбу?

– А если он и сам уже ищет эту «девятку», и не в дружбу, а именно в службу? – возразила я. – Не забывай, что эта машина была на месте убийства непосредственно в момент совершения преступления! Сыщики вполне могли об этом прознать!

В этом Ирка, очевидно, со мной согласилась, потому как промолчала. Задумавшись, мы и не заметили, как допили весь чай и доели весь джем.

– Что, разве больше ничего не осталось? – Ирка очнулась, когда ее ложка противно проскрежетала по доньшку стеклянной банки из-под варенья.

– Есть один вариант, – ответила я, продолжая тему поисков убийцы. – Может, дать объявление в газету? Мол, ищем такую-то машину, за помощь в поисках обещаем вознаграждение...

– Отличная мысль! – обрадовалась Ирка. – Только почему в газету? Это долго будет, пока газету напечатают, пока люди ее прочитают... Лучше дать объявление на телевидение!

Я удивилась собственной тупости. В самом деле, что может быть проще? Особенно сейчас, когда я заменяю главного редактора! Завтра же велю дежурному выпускающему запустить в эфир «бегущую строку» с нашим объявлением!

– Только давай текст составим заранее, – попросила я подругу.

– Что тут придумывать? Разыскивается автомобиль «ВАЗ-2109», серебристый металлик. За помощь в поисках – вознаграждение. И мой домашний телефон, – предложила Ирка.

– Нет, твой домашний телефон мы больше «светить» не будем, – категорически возразила я. – Вдруг наше объявление попадет на глаза этому гаду, убийце? Тогда-то уж точно он доберется до твоего дома. В другой раз я могу не успеть тебя спасти!

– Ты и в первый раз не успела, – заметила Ирка. – Ладно, тогда укажи свой мобильник.

– Фигушки! И по той же самой причине! Не хочу, чтобы на меня начал охотиться безжалостный тип с пистолетом! Я дам свой рабочий телефон. Даже если кто-то начнет выяснять, чей это номер, он сможет узнать только одно: это один из телефонов телекомпании. Добраться до меня лично будет не так просто.

– Согласна.

– Далее, – продолжила я. – На мой взгляд, текст объявления звучит на редкость по-идиотски.

Ирка надулась.

– Я хочу сказать, что это неубедительно, – я поспешила смягчить упрек. – Кто ищет машину, почему? По-моему, нужна мотивация. Причем такая, чтобы граждане преисполнились сочувствия и желания помочь.

– Тогда так: «Родственники девушки, пострадавшей в ДТП, разыскивают автомобиль «ВАЗ-2109», совершивший наезд и скрывшийся с места преступления», – вдохновенно сочинила Ирка. – И дальше про вознаграждение и телефон. Как тебе?

– Неплохо, – согласилась я. – Пострадавшая девушка – это сильный образ. А то, что машину разыскивают ее родственники, а не милиция, позволяет предположить, что компетентные органы умыли руки и наплевали на человеческое горе с высокой башни. Это должно расположить людей в нашу пользу!

Под диктовку подруги я записала текст нашего объявления на бумажке, положила эту записочку в свою сумку, чтобы в спешке поутру не забыть ее, и мы пошли спать. Очень довольные собой и преисполненные надежды на успех.

Глава 5

С утра пораньше объявление о поисках «девятки» выскакивало на телеэкраны горожан с периодичностью в полчаса – чаще, к сожалению, не получалось.

Первым, кто откликнулся на этот призыв о помощи, оказался... капитан Лазарчук!

– Так я и думал, что это твоя затея, – с нескрываемым удовлетворением сказал он, едва я успела произнести в трубку свое обычное: «Да?»

Надо же, узнал мой голос по одному короткому слову!

– А я смотрю – номерок знакомый, – продолжил Серега. – Ба, да это же рабочий телефончик одной моей знакомой шустрой журналистки! Думаю – дай-ка я позвоню! Узнаю, не могу ли чем помочь хорошему человеку? Розыск – это же моя работа!

Последнюю фразу капитан произнес с нажимом. Неужели действительно уже знает, что серебристая «девятка» была на месте преступления? Я слегка занервничала. А Ирка еще хотела вчера сама звонить Лазарчуку! Ох и вляпались бы мы...

– Так зачем же ты ищешь серебристую «девятку», Еленочка? На какую девушку она наехала?

– Ой, да не обращай внимания на текст! – самым легкомысленным голосом затарахтела я. – Про наезд я написала для пущей важности, в расчете на пробуждение у людей гражданской сознательности! Ты же знаешь наш народ, сам посуди, кто станет мне помогать, если я прямо напишу, что забыла в этой машине свои вещи?

– А какие свои вещи ты там забыла? – не отставал от меня въедливый сыщик. – И когда?

– Ну... э... Да дня три-четыре назад... Точно! Я как раз из Киева возвратилась, и эта «девятка» везла меня из аэропорта! И я забыла в ней книжку!

– Ты что же, прилетела из заграничного Киева налегке, с одной книжкой? – удивился капитан.

– Нет! – я начала сердиться.

Ну, чего пристал как банный лист?!

– Я прилетела из Киева с чемоданом! А книжка была у меня в руках, я читала ее в самолете! И забыла ее в машине!

– А что за книжка? – сочувственно спросил капитан.

– Да какая тебе, к чертовой бабушке, разница?!

В сердцах я чуть не ляпнула «сберегательная»!

– Это был пятый том Стругацких, устраивает?

– Странно, – заметил невозмутимый Лазарчук. – Перед самым вашим отъездом в Киев, когда я был у вас с Коляном в гостях, я как раз совершенно случайно обратил внимание, что в книжном шкафу на видном месте стоит десятитомник Стругацких, полное собрание. А теперь ты везешь из Киева запасной пятый том? Зачем это?

– Слушай меня, Лазарчук, и не говори потом, что не слышал! – бешено прошипела я. – Это был мой собственный пятый том! То есть не мой, конечно, а братьев Стругацких, но принадлежащий лично мне! Я уехала с ним в Киев, я приехала с ним обратно, но забыла его в машине, которую теперь ищу! Тебе все понятно?

– Абсолютно, – очень спокойно отозвался капитан. – Могу я тебя попросить об одолжении? Сообщи мне, пожалуйста, результаты своих поисков.

– Это еще зачем? – Я опять насторожилась.

– Чтобы я знал, дарить ли тебе на Восьмое марта пятый том Стругацких, – безмятежно сообщил капитан.

На этом наш разговор закончился, оставив у меня неприятный осадок. В простодушный интерес Лазарчука к событиям моей личной жизни как-то не верилось.

До обеда по поводу проклятой серебристой «девятки» позвонили еще дважды. Сначала юноша, который сообщил, что точь-в-точь на такой машине ездит его отчим, та еще сволочь. Насчет стеклянной пирамидки с огоньками юноша ничего не знал, зато и вознаграждения за свою информацию не просил. Более того, если эту сволочь, его отчима, посадят за решетку хоть за наезд, хоть за погром на еврейском кладбище, он, юноша, готов был сам заплатить кому угодно и чем угодно, включая собственную натуру. Я вежливо отказалась от юношеской натуры, посоветовав ее владельцу быть терпимее к родным и близким.

Потом в эфир пошел мексиканский сериал, и до окончания очередной серии телефон редакции даже не пискнул, но, едва на экране побежали титры, раздался звонок.

– А сколько дадите? – без приветствий и предисловий деловито спросила какая-то бабка.

– Пятнадцать лет, с конфискацией, – не удержавшись, сострила я, но тут же взяла себя в руки. – Простите, вы по какому вопросу?

– По вопросу вознаграждения за помощь в розыске «девятки», – сказала бабка. – Я знаю эту серебристую машину с зеленой блистюлькой. Сколько даете?

– Полтинник, – не задумываясь, ответила я.

Сумма выскочила из меня автоматически: я и мертвой бомжихе полтинник дала, и лже-сторожу у цирка. Похоже, такса сложилась сама собой!

– Баксов? – уточнила бабка.

Надо же, какая продвинутая старушка! И в автомобилях она разбирается, и доллары «баксами» называет!

– Еще чего! Рублей, конечно! – ответила я.

– За полтинник сама ищи, – отрезала бабка.

Я поняла, что придется поторговаться.

– Сто рублей, – предложила я.

– Пятьсот, – сказала вредная старуха.

– Сто! Или я сообщу о вашем звонке в милицию, назову ваш номер – он у меня как раз определился, – и менты заставят вас все рассказать им задаром! Еще и проблем себе наживете! – пригрозила я.

– Ладно, пиши адрес, – подумав, сдалась бабка. – Улица Колхозная, в квартале от рынка, справа от чебуречной.

– Ничего себе адрес, – удивилась я. – Это там водитель «девятки» живет?

– Там я живу, – ответила бабка. – Никодимовна меня зовут, все знают, спросишь – покажут. Привезешь сто рублей, покажу тебе твою «девятку». Все, покедова.

И старуха положила трубку.

– Колхозная, в квартале от рынка – а с какой, интересно, стороны? – задумалась я.

Перезвонить и расспросить старушеницу подробнее возможности не было. Насчет определителя номера я удачно соврала. Хорошо еще, если бабка не обманула и назвала свой адрес правильно!

Я поспешно собралась и убежала с работы – якобы на обед.

Чебуречных у Колхозного рынка оказалось две, плюс одна пирожковая, которую я решила рассматривать как вариант только в крайнем случае, если обе чебуречных отпадут в полуфинале.

Подходя к чебуречной «Минутка», я пыталась сообразить, «справа» от нее – это лицом к обжорке или задом? Если лицом, то справа будет цирк, там я уже была вчера. Буду считать, что две бомбы в одну воронку не падают, и сегодня в цирк я не пойду. Так, а если стать к чебуречной задом, то справа будет собственно рынок. А бабка сказала «рядом с рынком», а не в нем самом.

Я не стала тратить на «Минутку» ни одной лишней секунды, пошла напрямик через рынок к западным воротам, где имелась еще одна чебуречная, с характерным названием «У

Аскера». Я снова стала к заведению лицом – справа обнаружился опять же рынок. Повернулась тылом – справа оказалась стихийная автостоянка, протянувшаяся вдоль шеренги частных домов почти на два квартала.

Прикинув, сколько времени может занять пешая прогулка по стоянке, я купила «У Аскера» в дорогу чебурек с сыром и зашагала между бесконечным пыльным забором и мордами припаркованных автомобилей.

Придорожными столбиками на обочине торчали люди разного пола и возраста. Они притопывали и подпрыгивали, пытаясь согреться, и при этом помахивали руками, призывая проезжающие машины зарулить на стоянку.

Я доела вполне съедобный чебурек, высмотрела в этой шеренге тетку подобродушнее, подошла к ней и, деликатно кашлянув, спросила:

– Извините, пожалуйста... Не знаете ли вы пожилую женщину, которую зовут Никодимовна?

– Та шоб вона сдохла, карга старая! – беззлобно отозвалась тетка. – Вчерась только увела у меня клиента! Новенькую «бээмвуху» с помывкой и стоянкой, считай, сто пятьдесят рубликов! Водила-то на мой участок нацелился, а она, Никодимовна твоя, выскочила, паскуда, поперек дороги, чуть не на капот ему легла, прям силой затащила под свои ворота! А помыла машину плохо, только снаружи, даже грязь из-под ковриков не вытряхнула!

– Не подскажите, где мне ее найти? – я попыталась остановить словесный поток обиженной тетки.

– А че ее искать? Вон, стоит под березой, мухоморина старая, лапой с флажком машет, как в Первомай!

Я вытянула шею и углядела под старой кривой березой не менее старую и кривую бабуся в вязаной шапочке и модном стеганом пальто. В пушистой шерстяной рукавичке старуха сжимала белый флажок с нарисованной на нем коровьей мордой со свешенным набок языком. Вид у нарисованной коровы был разудалый и хмельной. Я усмехнулась: наверняка бабуся разжилась веселеньким флажком на какой-нибудь рекламной акции известного молочного комбината!

– Здравствуйте! – закричала я бабке. – Это вы Никодимовна? Вы мне звонили по поводу «девятки»!

– Некогда мне сейчас! – недобро зыркнув в мою сторону, отмахнулась старуха. – Приходи к вечеру, когда рынок закроется. Сейчас у меня самая работа, не до тебя.

– Я вам деньги привезла, сто рублей! – я помахала в воздухе купюрой.

– Тогда ладно, иди сюда!

Не оставляя своего поста на обочине, бабка поманила меня пальцем. Я послушно приблизилась.

– Не загораживай мне дорогу, стань тут, – Никодимовна бесцеремонно дернула меня за рукав. – Смотри вперед! Проулок между гаражами видишь?

– Вижу.

– Пойдешь в его, свернешь направо и упрешься в девятиэтажку. Вишь, башня торчит в глубине квартала? Это она. Твоя серебристая «девятка» с зеленой блистюлькой стоит во дворе. Я знаю, у меня в этой башне дочка живет, я там часто бываю и машину твою заприметила. У меня на тачки глаз наметанный, два раза увижу – уже не забуду.

Не прерывая монолога, бабка вытянула из моих пальцев сотенную купюру.

– Почему бы вам меня не проводить? – я попыталась упереться. – Покажете машину?

– Ты что, спятила? – старуха повертела флажком у виска. – У меня час пик, самая работа!

Точно в подтверждение сказанного, один из автомобилей в крайнем ряду с намеком заморгал правым глазом.

– Сюды давай, сюды! – скрюченная Никодимовна кузнечиком сиганула на проезжую часть.

– Смотрите, бабуля, если вы меня обманываете, я скоро вернусь! – пообещала я.

Я вернулась к пешеходному переходу у рынка, дисциплинированно дождалась зеленого сигнала светофора, перешла на противоположную сторону улицы и потопала к указанному проулку между гаражами. Проскакала между лужами по разбитому проезду и вышла на асфальтированную дорожку, ведущую к многоэтажной башне. Оглядела подступы к единственному подъезду девятиэтажного дома, но никакой серебристой «девятки» поблизости не увидела. Старуха Никодимовна меня бессовестно обманула!

Ругая бабку-врунью и справедливости ради себя-раззяву, я потопала обратно, но не успела дойти до конца асфальтированной дорожки, как увидела въезжающую во двор металлически поблескивающую морду машины. Это же «девятка»!

На всякий случай я прыгнула в сторону, под прикрытия деревянного грибочка на детской площадке, и, уже сидя в песочнице, отследила продвижение серебристой «девятки».

Вот сейчас я увижу, кто выйдет из машины!

Желая получше рассмотреть водителя «девятки», я поспешно выпрямилась, но не сопоставила высоту приземистого навеса с собственным ростом и больно стукнулась макушкой о доски. Аж в глазах потемнело! А когда снова прояснилось, человек, вышедший из машины, почти скрылся в подъезде. Я успела увидеть только ногу в коричневом ботинке среднего размера.

Ирка позавчера в бинокль разглядела руку убийцы, а я сегодня – его ногу, так, глядишь, и будем собирать портрет преступника по частям, как милицейский фоторобот!

Потирая ушибленную макушку, я присела на бортик песочницы и с тоской оглядела окна девятиэтажки. Была бы сейчас темная ночь, можно было бы попытаться вычислить квартиру, в которую поднялся этот тип, по засветившимся окнам. Впрочем, только в том случае, если до его прихода в квартире никого не было.

– М-мау? – ворчливо спросил меня толстый черно-белый кот, запрыгнувший в песочницу со стороны клумбы.

– Я тебе не мешаю, – посторонившись, вежливо сказала я животному.

Интересно, а какой голосок у противоугонной сигнализации серебристой «девятки»?

– Иди сюда, котик! – ласково сказала я, сгребая в охапку недовольного такой фамиллярностью черно-белого.

Кот немного повырывался, но я крепко держала его левой рукой, правой беспрерывно наглаживая по лоснящемуся боку. Зверь быстро успокоился и даже начал утробно урчать от удовольствия. Короткими перебежками, замирая под прикрытием деревьев, одиноко стоящих автомобилей и развешенного на веревках во дворе белья, я приблизилась к серебристой «девятке» на расстояние броска гранаты.

По нормам ГТО это двадцать один метр: помню, в выпускном классе средней школы, когда я, потенциальная золотая медалистка, с десятой попытки никак не могла выполнить соответствующий спортивный норматив, учитель физкультуры встал на двадцатиметровой отметке в полный рост и крикнул: «Лена! Целься в меня!» Я в этот момент так его ненавидела, что шваркнула гранату точнехонько в метку, и тренер едва успел отскочить в сторону. Впрочем, позже мне уже не удавалось повторить этот подвиг, да и кот в моих руках был более тяжелым и менее удобным метательным снарядом, нежели учебная граната, поэтому я сократила расстояние между мной и «девяткой» всего до двух метров. Заодно прекрасно разглядела подвешенную над лобовым стеклом игрушку, пирамидку-елочку из зеленого стекла с разноцветными просверками на гранях. Именно такой мне описывала «блистюльку», болтавшуюся в машине убийцы, зоркая – благодаря биноклю – Ирка. Думаю, эта штучка существует не в единственном экземпляре, но маловероятно, чтобы совпали и марка разыскиваемой нами машины, и ее цвет, и занятная штуковинка-подвеска... Стало быть, можно надеяться, что мы идем по верному следу, по стопам убийцы. Вернее, по отпечаткам протекторов его автомобиля.

Это рассуждение успокоило мою совесть, слегка встревоженную тем неблагоприятным поступком, который я намеревалась совершить. Буду я щадить убийцу? Да никогда! И собственность его жалеть не буду!

Воодушевившись, я со своего огневого рубежа метко зашвырнула черно-белого мурзика на крышу машины. На капот кот прыгнул сам, под машину шмыгнул и вовсе без понуканий, но это уже не имело значения, потому что сигнализация заревела с такой готовностью, словно всю свою бессознательную жизнь только и ждала этого случая.

Поздновато сообразив, что не наметила заранее пути к отступлению, я в панике оглядела двор – куда мне спрятаться? Ничего подходящего на глаза не попадалось, сигнализация орала как резаная, я нервничала и невольно спорила глупость: метнулась прятаться в подъезд, в парке напрочь позабыв о том, что он единственный!

С мужиком, слетевшим вниз по лестнице, я не столкнулась лоб в лоб только потому, что сама, как перепуганная кошка, с разбегу проскакала вверх почти до второго этажа, а этот тип выпрыгнул из квартиры на первом. Впрочем, получилось как нельзя лучше: в окошко на лестничной площадке я в подробностях разглядела, как молодой мужик в спортивном костюме и тапках на босу ногу спешно выключил сигнализацию, поозирался по сторонам и, безадресно ругаясь, вернулся в подъезд. Тут я его видеть уже не могла, зато слышала, как металлически лязгнула входная дверь. Тихонько спустившись на первый этаж, я осмотрела двери четырех квартир и убедилась, что только одна из них бронирована. Таким образом, методом исключения я установила номер квартиры подозреваемого: четвертая!

Итак, теперь я знала, где живет убийца ни в чем не повинной бабы с Тургеневской площади! Можно сказать, нашла его логово! Меня просто распирало от гордости.

Мужик из четвертой квартиры был в домашней одежде и тапках, и это позволяло предположить, что он не собирался уходить из дома в ближайшее время. Я посмотрела на часы: было четырнадцать двадцать. Самое подходящее время для «тихого часа»! Общеизвестно, что мужчины – по-моему, все без исключения! – просто обожают белым днем валяться на диванах и дрыхнуть без задних ног. Наверняка и этот тип завалится поспать часика на два. За это время я вполне успею смотаться в Пионерский микрорайон.

План дальнейших своих действий я набросала схематически. Возьму у Ирки «шестерку», чтобы иметь возможность следить за типом, когда он отчалит из дома, и уже в процессе что-нибудь придумаю.

– Я требую конкретизации! – заявила Ирка, когда я в общих чертах изложила ей свой план. – Предположим, ты сядешь ему на хвост. А зачем?

– Затем, чтобы найти возможность подобраться к нему поближе! – невнятно ответила я, давась куриным супом.

Суп был горячий, а я очень спешила съесть его, чтобы скорее вернуться на свой наблюдательный пост в девятиэтажке.

– А зачем? – повторила подруга.

– Чтобы узнать о нем побольше и понять, с какой целью он убил ту тургеневскую тетку! Тебе самой это разве не интересно? Я лично не смогу спать спокойно, пока не узнаю, в чем смысл загадочных помадных каракулей на туалетной бумаге!

– Ты будешь спать совершенно спокойно, если он заметит твой подозрительный интерес к своей персоне, – покачала головой Ирка. – Покойно ты будешь спать! Вечным сном! И тогда уже я никогда больше не смогу спать спокойно, потому что буду чувствовать себя виноватой в твоей безвременной кончине.

– И что теперь? – спросила я, отодвигая тарелку.

– Теперь котлеты с макаронами, – ответила Ирка. – Сковорода и кастрюля на плите, положи себе сама.

– Я тебя не о меню спрашиваю!

Я встала из-за стола и начала бегать от мойки к холодильнику и обратно, обходя по плавной кривой Иркину загипсованную ногу, торчащую посреди кухни, как опущенный шлагбаум.

– Если ты такая умная, скажи, что нам теперь делать с этим типом?

– Вообще говоря, этого типа лучше всего было бы передать в руки милиции, – рассудительно сказала Ирка.

– Да? А что мы этой милиции скажем?

– Скажем, что видели, как этот тип совершил убийство! Тем более что это чистая правда.

– Это только половина правды. – Я снова плюхнулась на табурет. – Во-первых, это ты видела, как он совершил убийство. Я в этот момент не смотрела в ту сторону, я ботинок зашнуровывала. А во-вторых, милиция нас обязательно спросит, почему мы так медлили со своим заявлением. Почему сразу не обратились куда надо?

– Потому что мы были так потрясены, что потеряли дар речи! – предложила Ирка.

Я побарабанила пальцами по столешнице.

– Неубедительно.

– Тогда у меня будет другое предложение. – Подруга заметно оживилась, и я поняла, что этот ее запасной вариант на самом деле основной. – Мы сами, без всякой помощи компетентных органов, размотаем этот клубок до самого конца – надеюсь, не нашего... Другими словами, мы будем следить за этим типом, но только вдвоем! Ты и я! Подстраховывая и прикрывая друг друга в случае опасности!

Я подперла голову ладонью, посмотрела на Ирку с укоризной и с намеком перевела взгляд на гипсовую ногу.

– Или ты соглашаешься на мое предложение, или я прямо сейчас звоню Лазарчуку и рассказываю ему все: и про убийство, и про записку из банки! Ну? Что ты молчишь?! – Она сердито нахмурилась.

– Котлеты с луком? – Я потянула носом.

– И с чесноком. Не морочь мне голову, отвечай прямо на поставленный вопрос!

– Пожалуй, я поем, – сказала я. – И тебе тоже советую подкрепиться. Мало ли, вдруг наши шпионские игры затянутся до утра? Где я тебя потом среди ночи кормить буду? – Это и был мой ответ.

Соорудив в глубине квартала девятиэтажную башню, строители предусмотрели лишь один подъезд к ней. Эта ошибка была нам с Иркой на руку: можно было не сомневаться, что серебристая «девятка» убудет от башни именно тем путем, каким прибыла. Я припарковала нашу «шестерку» так, чтобы стартовать за «девяткой», как только она выкатится на магистраль.

– А что, если он не поедет на машине? – запоздало спохватилась Ирка. – Вдруг этот тип пойдет пешком? Тогда ему будут открыты все пути-дороги, и мы его потеряем!

– Не потеряем, – ответила я, поворачиваясь, чтобы подхватить с заднего сиденья бинокль. – Слава богу, у некоторых из нас ноги в порядке. Если что, я побегу за этим типом на своих двоих.

– Ты куда?! – обеспокоилась подруга, видя, что я выхожу из машины.

– Туда. – Я махнула рукой в сторону девяти-этажки. – Засяду в песочнице с биноклем и буду следить за подъездом. Если этот тип выйдет и сядет в машину, я успею добежать к тебе раньше, чем он вырулит со двора. А если он пойдет куда-то пешком, я пойду следом.

– Ни пуха! – крикнула Ирка.

Я скептически усмехнулась. Как раз клочьев пуха и шерсти на бортиках песочницы было немало. Похоже, там отирались разномастные коты и кошки всего квартала! Хотя водку из пластиковых стаканчиков пили, наверное, все-таки не они.

Выбрав местечко почище, я угнездилась на сыром и холодном деревянном бруске, поднесла к глазам бинокль и застыла – вся внимание. Час был поздний, без малого восемь вечера,

давно стемнело, и во дворе не было ни души. Серебристая «девятка» по-прежнему стояла у подъезда – стало быть, мы не опоздали.

Прошло примерно с полчаса, и я пожалела, что мы не задержались с началом слежки еще хоть немного. В неприметной черной спортивной курточке, напяленной вместо своей обычной шубки с целью лучшей маскировки на местности, я откровенно мерзла. Узкий бортик песочницы продавил в моей заднице анатомически ненормальную поперечную вмятину, окуляры бинокля вросли в глазницы, а этот тип и не думал появляться!

Я уже почти решила махнуть рукой на детективные игры, свернуть наблюдательный пост и вернуться в теплую машину к Ирке, как вдруг свет в одном из окон первого этажа, предположительно, по моим расчетам, четвертой квартиры, погас. Спустя десять-пятнадцать секунд из подъезда вышел этот тип.

Я не сразу его узнала, потому что в прошлый раз на нем был спортивный костюм, а теперь – небесно-голубые джинсы и черный трикотажный джемпер. Во что он был обут, не знаю, не разглядела. Во всяком случае, не в комнатные тапки. Под мышкой мерзавец держал пиджак и выглядел великолепно, я сама чуть слюнки не пустила: светлые джинсы подчеркивали узкие бедра, джемпер обрисовывал рельефные мышцы. Разворот плеч, гордая посадка головы, густые светлые волосы стильно подстрижены... Да он красавчик, этот тип!

Отчего-то это меня разозлило. Как же можно быть таким симпатичным и при этом убивать людей!

Убедившись, что я не обозналась – красавец в джинсах, мужик в тапках и водитель «девятки» един в трех лицах, – я спрыгнула со своего насеста, сунула бинокль за пазуху и на плохо гнущихся, заочевевших ногах побежала в машину к Ирке. Ее вытянувшаяся от внимательности физиономия прижималась изнутри к стеклу, напоминая собой висящую в океанских глубинах камбалу.

– Ну?! – В ожидании новостей подруга аж подпрыгивала, заставляя кресло мучительно скрипеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.